

ОЧАРОВАННАЯ НЕБОМ и згой

Анна Рыжая

18+

Анна Рыжая

Очарованная небом. Изгой

«Автор»

2018

Рыжая А.

Очарованная небом. Изгой / А. Рыжая — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-11449-4

Девушка со странным именем Сейлиндейл и не менее странной внешностью живет в деревне, отрезанной от внешнего мира высокой горой, и больше всего на свете мечтает сбежать отсюда. И заодно спастись от брака по расчету. Вдобавок придворная ведьма жениха уверена, что Сейлин пробудит к жизни древнее зло - Проклятого всадника дракона, который устроит ад на земле, и ее нужно убить. Но что если Сейлин сама мечтает стать всадником дракона? И пусть в Королевскую Военную Академию женщинам путь заказан, но нельзя - не значит невозможно. Как убедить новых друзей и командира, что ты просто смазливый юноша? И что если страшное пророчество начало сбываться?

ISBN 978-5-532-11449-4

© Рыжая А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Эпилог	6
1 глава	9
2 глава	25
3 глава	30
4 глава	41
5 глава	46
6 глава	53
7 глава	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Все права защищены. Любое использование материала данной книги, за исключением ознакомительного отрывка, без разрешения правообладателя запрещается.

*Таким, как ты, не место среди нас.
Такие заслужили лишь презренья.
Покуда можешь ты, беги подальше с глаз.
Рука не дрогнет, больше нет сомненья.
Не верьте демону с наивными глазами.
Душа твоя черна, подобна яду.
Пусть соловьем ты заливаешься мольбами.
Но смерть тебе – достойная награда.*

Эпилог

В ночь со второго на третье число последнего весеннего месяца сонная, тихая деревушка Линорра, что была вплотную к Горе, оказалась лишена сна. Все началось с того, что около полуночи по размытой затяжным дождем дороге на всех порах, громыхая, пронеслась повозка.

– Здесь! Стой! – громко крикнула пассажирка вознице. Тот на полном ходу остановил взмыленных лошадей.

Женщина поспешно перекинула через плечо тряпичную сумку и спрыгнула в грязь.

– Только бы не опоздала, – бормотала она, подобрав юбку и спешно пробираясь по жиже к деревянной калитке.

– Э! Бесовка! – грубо окликнул ее возница. – Ты платить-то когда будешь?

Молодая черноволосая женщина обернулась и одарила его таким взглядом, что возница поежился.

– Жди. Скоро назад поедем.

Возница пробурчал что-то невнятное, поглубже закутался в плащ от пронизывающего сырого ветра и с недовольной физиономией откинулся на козлах.

В тот момент, когда женщина вошла во двор, из дома донесся такой дикий вопль, что забрехали все окрестные собаки. Задрвав длинную юбку, она, как могла быстро, побежала по скользкой грязи, вперемешку с птичьим пометом.

В сенях гостя столкнулась с хозяином дома – мужчиной темноволосым, ростом выше среднего, худым, довольно потрепанным, но пока еще крепким.

– А ты... откуда взялась? – уставился он на нее.

– Для начала здравствуй, Аргус, – женщина наспех скинула грязные хиги и поочередно ополоснула каждую забрызганную грязью ногу в ведре, стоящем для этого у входной двери.

– Генера не обрадуется тебе, Раетта, – мужчина попытался обойти ее, но угодил ногой в ведро и громко выругался.

– Да ты пьян! Иди умойся холодной водой, Аргус. От тебя разит, как от выгребной ямы. Даже не вздумай подходить в таком состоянии к ребенку.

– Да откуда ты вообще знаешь про ребенка?! – в сердцах крикнул он. – Кто тебя сюда звал?!

Женщина лишь кратко улыбнулась.

– Лучше моли Заступницу, чтобы дочка родилась живой.

– У меня сын будет, – промямлил мужчина, выходя босиком во двор.

Гостя ничего не ответила, наблюдая, как брат, шатаясь, шлепает по грязи, и направилась в сторону комнаты, откуда только что донесся еще один вопль роженицы. Подходя к двери, она случайно увидела в углу за тумбочкой мальчика лет трех. Он сидел и плакал, зажав ручками уши. Женщина очень спешила и уже потянулась к дверной ручке, но в последний момент отдернула руку и подошла к ребенку.

– Вейго, милый, – она опустила перед ним на колени. – Ты что здесь делаешь?

– Мне страшно, – навзрыд прошептал мальчик. – Мама кричит уже так долго. Она умирает?

– Нет, маленький, – женщина заботливо улыбнулась и поцеловала ребенка в лохматую каштановую шевелюру. – У тебя скоро родится сестренка. Это огромное счастье, понимаешь? И ты должен пообещать мне, что всегда будешь ее защищать.

– Сестренка?

– Да, и ей нужна будет защита старшего братика. Ты же справишься?

Мальчик неуверенно кивнул. Женщина погладила его по голове.

– Иди в свою комнату и ничего не бойся. Скоро ты увидишь и маму и сестренку. Я тебе обещаю.

Мальчик шмыгнул носом, утер кулачком слезы, поднялся и, пробежав по коридору, исчез за дверью своей комнаты.

– Помоги мне, Пречистая.

Гостья глубоко вздохнула и вошла в спальню.

На окровавленной простыне вся в поту лежала молодая женщина с выпученными от ужаса глазами, бесцельно смотрящими куда-то в потолок. Ее длинные волосы лохматыми змеями расплзались по мокрой от пота простыни и казались неестественно черными на фоне мертвенно-белой кожи. Около нее суетилась сторбленная старая повитуха, по виду абсолютно растерянная.

– Ты зачем пришла, бесовка? – сурово прошипела повитуха.

– Помочь хочу, родня моя, – невозмутимо ответила гостья. – Давно она мучается?

– Вторые сутки разродиться не может, – повитуха взглянула на роженицу как на покойницу. – Такая сильная девка. Убей, не пойму, в чем дело. Хоть бы саму спасти, ребенок-то давно уж помер, поди. Резать бы надо, только не вынесет она. Помрет.

– Не помрет, – женщина засучила рукава по локоть, достала из сумки сушеную траву, перемолола ее ладонями в пыль и посыпала на голый живот роженицы, шепча что-то, известное только ей.

– Это ты чего удумала, ведьма?! – гневно крикнула повитуха, пытаясь ухватить ту за руку.

– Будешь мешать, вот тогда умрут и мать и младенец, – жестко ответила женщина.

– Да пусть лучше помрут, чем отрекутся от Хэо твоей поганой магией!

От колючего взгляда ледяных синих глаз повитуха вздрогнула и отшатнулась.

– Да чтоб ты провалилась! – сплюнула она, из комнаты не вышла, но и мешать не стала.

– Раетта? Я-то думала, этот бред мой, – внезапно глаза роженицы округлились, она приподнялась на локтях, но от боли снова закричала и упала на постель.

– Успокойся, Генера, я здесь, чтобы помочь твоей девочке родиться, – ласково ответила женщина.

– У меня сын! Убирайся! Не прикасайся к моему ребенку, ведьма! – с усилием выкрикнула та и рухнула на кровать без чувств.

– О Пречистая Хэо! Прими ее душу в свои сады, – затараторила испуганная, белая, как моль, повитуха.

Женщина гневно глянула на нее.

– Что ты несешь, старая дура?! – прошипела она. – Нельзя хоронить живых раньше срока! Иди в угол и стой молча, что бы не увидела. Не будешь мешать, спасу обеих. А ляпнешь хоть слово – смерть их на твоей совести будет!

Повитуха ничего не ответила и, точно ожившая статуя, попятилась от кровати. Раетта положила одну руку на ледяной, вспотевший лоб роженицы, вторую на ее огромный живот, закрыла глаза и принялась без остановки шептать. То и дело она отнимала руки, и тогда вздрагивало пламя свечей в комнате. Она все сильнее нажимала на живот, все громче шептала, до тех пор, пока, наконец, ее голос не перешел в крик, а рука не проварилась сквозь кожу, как горячий нож сквозь масло. Одним движением ведьма вынула ребенка, не повредив кожи на животе. Девочка была крохотная и серо-синяя, точно покойник. Черные волосики прилипли к маленькой головке. Она не кричала и не шевелилась. Ведьма положила ладонь ей на лицо и полностью окунула ребенка в ведро с водой, продолжая шептать. Вмиг пламя свечей взметнулось к самому потолку, осветив комнату, точно солнце среди ночи, а затем погасло. Женщина аккуратно вынула ребенка из ведра. Едва его головка оказалась над водой, раздался оглушающий детский крик.

– Зажги свечи, повитуха, – тихо сказала она, поцеловала кричащего ребенка в лоб и с улыбкой добавила: – Сильная девочка. Никогда не сдавайся.

Девочка с белыми, как снег, волосами, сразу успокоилась и теперь с интересом рассматривала окружающий мир ярко-синими ледяными глазами. За окном застрекотали кузнечики, тихонько колыхались мокрые от дождя колокольчики, а в углу комнаты молча стояла поседевшая повитуха.

1 глава

Меня зовут Сейлиндейл. От моего имени веет тиной и холодом, и оно под стать моему миру, которой лишен красок и тепла. Вам бы здесь точно не понравилось. Я никогда не видела солнца, луны и звезд. Я наблюдала их лишь на картинках книг и в своем воображении, когда редкие путешественники или торговцы проезжали через нашу деревню. Над моей головой только Гора, уходящая в бесконечность, и вечные серые тучи, скрывающие ее вершины.

Линорра – самая сырая деревня за Горой. Дожди здесь идут почти ежедневно, теплые, затяжные и опостылевшие всем до дрожи. Кажется, скоро я покроюсь плесенью и сгнию, как деревянный забор перед домом Марси. Кстати, именно поэтому в Линорре все дома каменные. Естественно, тоже серые. Прямо как небо, Гора и моя жизнь.

Больше всего на свете я хотела бы сбежать из этой сырости и перебраться хотя бы в Оргун или Тинбарру. В самом деле, кто по своей воле захочет жить там, где даже мухи давно сдохли. Одним мокрицам раздолье. Фу, мерзость, аж мурашки по коже!

Увы, моя деревня отрезана от мира замкнутой горной цепью – Безымянной горой. Сбежать отсюда можно только по воздуху. На драконе. А их в Линорре не водится. Резонно. Будь я драконом, тоже бы сюда не сунулась.

Я ждала этого дня с трепетом и волнением. Сначала я считала месяцы, потом недели и, наконец, дни. А накануне и вовсе заснула лишь под утро, все время прокручивая в мыслях, как хорошо покажу себя на смотре. Мама говорила, что если я буду стараться больше всех, меня заберут во дворец, в Ардалию за Горой, и моя жизнь станет совсем другой. Какой, она не сказала, но в силу возраста я и не задумывалась об этом.

Спросонья я сладко потянулась и зевнула. На улице было слишком громко даже для ярмарочного дня. Но ведь ярмарка прошла вчера... Минутку! Сегодня день смотра! Вечно я со сна туго соображаю. Так, я готова! Наверное...

Протерев глаза, в полумраке комнаты я разглядела шкаф, из-за неплотно прикрытой дверки которого торчал подол моего нового белого платья. Мама купила его вчера для особенных случаев. Таких, как день смотра.

Вдруг в комнату ветром влетела мама. Увидев меня сонную в кровати, она вспыхнула, как сухая трава от искры.

– Сейлиндейл! Почему ты еще спишь?! – уперев руки в бока, крикнула она. – А ну-ка живо вставай и приведи себя в порядок!

Я послушно слезла с кровати, хотя мягкая, нагретая за ночь перина так и манила меня обратно. Но когда мама на взводе, с ней лучше не спорить. А заводилась она в моем присутствии всегда с пол-оборота. Иногда мне казалось, что ее раздражает во мне абсолютно все: то, как я говорю, как хожу, что делаю. Больше же всего ей не нравилась моя внешность. Нет, я не была дурнушкой, напротив. Но мои светло-русые, почти белые, волосы и ярко-голубые глаза, взгляд которых она не могла спокойно выносить... Она стыдилась, что родила ведьму. Чего уж говорить, я вообще должна была родиться темноволосым мальчиком. И мне об этом напоминали при каждом удобном, да и не очень, случае.

Моя внешность вообще нетипична для жителей Горы, да и Ясных земель тоже. Мама говорит, это потому что меня сглазили при рождении, а соседи давно уже считают, что я стану злой ведьмой – бесовкой. Порой мне хочется оправдать их надежды и напустить на кого-нибудь заворот кишок да мощную отрыжку. Только вот, я не умею.

Мама быстро, но аккуратно достала из шкафа мое новое платье и положила его на стул.

– Вейго давно уже встал. Неужели тебя совершенно не заботит, что сегодня решается ваша с братом судьба? – и, не дав мне что-либо ответить, снова прикрикнула: – Ну чего стоишь? Умывайся, дуреха!

Я выбежала во двор прямо в ночной рубашке, едва нахлобучив старые хиги. Высокий каменный забор защищал наш маленький двор от ветра, но я все равно поежилась. Прохладно и пасмурно. Зато бодрит.

Хлюпая по грязи, я обошла чем-то недовольных гусей и умылась из корыта под окном. Ледяная вода окончательно пробудила меня.

– Ну что за капуша такая! – мама уже стояла на пороге. – За что мне это наказание, Пречистая Хэо? У всех дети как дети, а у меня сонная муха! Да как ты работать-то во дворце будешь? Ты же спишь на ходу! Ох, отсекут пустую голову да пришлют мне посылкой. Вот стыдоба-то будет!

Я вбежала в дом. Мама стащила с меня ночную рубашку и натянула новое платье. Из белоснежного мягкого льна, с длинными свободными рукавами и широким, расшитым орнаментом, поясом василькового цвета. Таким же орнаментом были расшиты манжеты и воротник. Оно сразу же мне понравилось.

После минут пять мама больно продирала гребнем мои непослушные, спутавшиеся волосы и грозила остричь меня наголо. Я уже тогда знала, что это пустые угрозы. Волосы для женщины Линорры – главное украшение. Если ко дню, когда девочка созреет, у нее не будет косы до пояса, ни один приличный мужчина на ней не женится.

Мама продолжала что-то недовольно бубнить, а я все думала, где Вейго. На днях он вырезал рукоять для ножа из ветки ивы, растущей на берегу Гнилого озера. Только самые смелые мальчики отваживались ходить в пещеру к озеру, и мне, конечно, льстило, что мой брат из таких. Хотя я все равно отругала его. Нельзя туда ходить! Говорят, там привидения.

– Мама, а где Вейго? – спросила я.

Что если он опять пошел к болоту?

– Давно уже готовится к смотру, не то, что ты, – буркнула она. – Не гневи Заступницу, сиди и не дергайся.

Не знаю, как насчет Заступницы, а вот маму гневить точно не стоит.

Наконец, мои волосы были причесаны и разложены по плечам, пояс туго завязан спереди, а ноги обуты в до блеска натертые хиги. Я стояла перед зеркалом и нравилась сама себе. Только в дни больших праздников девочкам и незамужним девушкам разрешалось распускать волосы.

– Мам, я красивая? – спросила я, с улыбкой разглядывая себя в зеркале.

– Красивая, – небрежно ответила она. – Поторопись. А то пропустим представление перед смотром.

Я с трепетом выдохнула. Пора. Для меня сегодня двойной праздник. Я выхожу в люди. Из-за моей бесовской внешности мама старалась как можно реже выпускать меня за двор. Зачем лишние пересуды от соседей? На редкие вопросы отвечала, что я слабая и болезненная. Я обижалась. Но раз мама сказала, куда деваться? Я надеялась, что если буду вести себя хорошо, она будет любить меня больше.

До шести лет моей единственной подругой была белая корова Буренка. В ее хлеву я проводила все свободное от работы по дому время. А еще играла с Вейго. Пожалуй, он единственный, кто по-настоящему любил меня в этой семье.

Вейго был старше меня на три года. Он рос крепким и смышленным мальчиком, смелым и ни разу не послушным. Но маму это не смущало. На моем фоне Вейго казался ей просто идеальным, и она закрывала глаза на его проделки и шалости.

Именно Вейго впервые тайком вывел меня за забор на улицу. Мне тогда было семь лет. Помню, с каким удивлением я шла по нашей улице, разглядывая дома соседей, деревья, повозки, запряженные лошадьми и прохожих. Конечно, я и раньше пыталась выбраться со

двора, но мама запирала калитку на ключ, а забор был таким высоким, что даже с табуретки невозможно было ничего увидеть за ним. Разве что в щель в заборе, но разве там разглядишь что-то?

В тот же день, когда Вейго вывел меня за ворота, я познакомилась с Марси Ояр. Она оказалась нашей соседкой и моей ровесницей. Мы подружились и с того дня много времени проводили вместе. Мама бы, конечно, запретила, но Марси сразу познакомила меня со своими родителями, а те задались вопросом, почему здорового ребенка держат взаперти? После этого мама сдалась и разрешила мне выходить на улицу. Это был невероятно счастливый день! Отныне я могла гулять и играть с братом и Марси там, где пожелаю. Конечно, после того, как выполняю всю домашнюю работу. А мама старалась нагрузить меня посильнее. Опять же – меньше буду мозолить глаза порядочным людям.

Мы вышли во двор. Мама подобрала расшитый подол юбки, дабы не запачкать в вечной линоррской грязи, и бросила мне, не оглядываясь:

– Смотри, платье не забрызгай! Не топай ногами по лужам!

– Поняла, не маленькая, – пробубнила я, перешагивая лужу.

Я заметила, что мама и сама нарядилась. Наверно, этот белый сарафан с красным кружевным воротом она тоже купила вчера на ярмарке. Замужним женщинам распускать волосы было неприято, потому мама заплела их в две косы и каждую обернула вокруг головы. Наверняка, в свое время к маме очередь из женихов стояла, ибо красотой волос Пречистая ее не обделила. Каждая ее черно-соболиная коса была толщиной в кулак и теперь, украшенные красными лентами, они смотрелись просто бесподобно.

Оказавшись за забором, мы встретились с Марси и ее родителями. Она была в новом платье точь-в-точь как мое. Наверно, других на ярмарке не продавали. Я помахала ей, она улыбнулась и помахала мне.

– Живее давай! – мама потянула меня за собой. – Отец будет в ярости, если не успеем к началу. – И помни, веди себя скромно, на вопросы отвечай коротко. Ох, не смутила б их твоя внешность...

Мама задрала подол до колена, и мы побежали вдоль заборов там, где было посуше. Голые мамины ноги были забрызганы грязью, зато подол оставался чистым. Мне показалось это неприличным, ведь мама сама всегда говорила, что приличная женщина не должна показывать даже голый ступни в присутствии посторонних. Но, видимо, бывают моменты, когда правила идут лесом.

Марси и ее родители бежали по другой стороне дороги. Они обгоняли нас, и вредина Марси показала мне язык. Ну, погоди, я тебе это припомню! Я хотела ответить ей тем же, но споткнулась и шмякнулась прямо в грязь, а мама, не успев остановиться, еще и протащила меня волоком по земле.

– О Пречистая! За что мне это наказание?! Где твои глаза?! На жопе, что ли?! – мама подняла меня и, отвесив обидный подзатыльник, снова потянула за собой.

Через несколько минут мы таки были на ярмарочной площади. Мама грубо толкнула меня за пустые деревянные бочки около таверны. Я едва снова не упала, но врезалась спиной в одну из бочек.

– Стой здесь, наказание! Упаси тебя Хэо выйти, пока я не позову, – пригрозила она. – Ох, Пречистая, что люди скажут? Генерина дочь как свинья пришла. Да поможет нам Хэо, не станут смотреть девок. Сразу как начнется смотр мальчишек, быстро беги к лошадиной поилке и замой грязь. И чтоб тебя никто не видел. Ты поняла меня?

Я сверлила глазами каменную мостовую под ногами.

– Поняла, я спрашиваю?!

Я кивнула. С разозленной мамой спорить себе дороже. В деревне за ней давно закрепились слава гром-бабы. Той самой, которая и коня на скаку остановит. Причем, маме даже не придется его ловить. Она просто глянет пристально, по своему обыкновению сложит крепкие руки на широкой груди, и конь сам встанет. От греха подальше. Иначе потом хуже будет. Потому и папа с мамой пререкались не любил. Не знаю, чем она страшила его, но вот мне частенько прилетало розгами.

Стоя за бочками, я с завистью и досадой рассматривала толпу на площади. Сегодня здесь собралась вся наша деревня, приехали жители соседних Оргуна и Тинбарры. Такие все красивые, веселые, и я как ведьма с болота. Этот день должен был стать праздником, а превращается в кошмар!

Площадь представляла собой квадрат длиной примерно в триста шагов, ее окружали двухэтажные постройки: таверна, дом лекаря, казарма и торговые лавки. Вся площадь была вымощена камнем, потому здесь подолов никто не задирал, и никто не смотрел под ноги, дабы не наступить в коровью лепешку. Люди громко разговаривали, кто-то смеялся, кто-то ругался. Но, мне все же показалось, что они чем-то встревожены.

– Эй, Сейлин, ты чего там делаешь? – Марси стояла за моей спиной. Она окинула меня насмешливым взглядом. – Ну, ты и растяпа. Новое платье в коровьем говнище!

– Это просто грязь, овца, – насупившись, фыркнула я. – Если б не ты, я бы не упала.

– Да уж как же!

Довольная физиономия Марси так и напрашивалась на грязевую лепешку. Вместе позор пережить легче.

– Выходи, чего теперь тут прятаться?

– Мама сказала, чтобы я стояла тут, – я бросила недовольный взгляд на свое красивое грязное платье и опустила голову. – Ей за меня стыдно.

– А как же принц тебя увидит?

– Какой еще принц?

– Принц Йерран, младший сын короля Вайрона.

– Что вообще принц забыл в нашей глухомани?

– Не знаю, мне не рассказывали.

– Не хватало еще, чтоб он меня вот так увидел, – я демонстративно растянула свою замызганную юбку.

– Да ладно, тоже мне, проблему нашла, – Марси взяла меня за руку и потянула за собой. – Пойдем, помоем тебя. Там огнеплясы выступают. И лично я не хочу все пропустить.

Я не стала сопротивляться и, увлекаемая Марси, пошла за ней сквозь толпу. Замыв в корыте мое платье, мы обе остались более или менее довольны результатом и собирались пойти смотреть на огнеплясов, как вдруг по площади прокатился неслыханный прежде рев, сменившийся криками перепуганных женщин.

– Дракон! – пролепетала Марси, до боли впившись ногтями мне в руку.

– Ай, – пискнула я, отдернув руку.

– А если он нас всех сожрет? Или поджарит? – Марси испуганно вертела головой. – Или поджарит, а потом сожрет?

– Вот почему у тебя всего два варианта? Подумаешь, дракон, – хмыкнула я. – Тут и без нас есть, кого жрать. Один вон Оральд чего стоит. Его сожрет, и наестся на неделю!

Марси засмеялась, наверняка, представив, как толстенькие короткие ножки Оральда исчезают в зубастой пасти. Хотя, учитывая, каким жирным был Оральд, он имел все шансы застрять в драконьей глотке. Бедняга дракон, наверняка, не знал, во что ввязывается.

– Я хочу посмотреть на этого дракона.

– Ты не боишься? – Марси опять выглядела испуганной. На ее побледневшем лице даже всегда яркие веснушки побелели.

– Пока не знаю. Приду и расскажу.

Если в самом деле дракон не оттяпает мне ноги. Марси сложила руки на груди.

– Да ты сама забоишься! Никуда ты не пойдешь!

А это уже вызов!

– Спорим на пять щелбанов?

Я показала Марси язык и поспешила в ту сторону, откуда донесся рев. Сколько себя помню, мне всегда хотелось посмотреть на настоящего живого дракона. Однажды папа взял меня с собой в соседнюю деревню. Оргун был значительно больше Линорры. В нем находился самый большой в Горе рынок. Все торговцы из Ясных земель на своих драконах привозили сюда товар. Но, то ли драконы прятались от меня, то ли я просто такая невезучая – мне так и не удалось увидеть ни одного из них.

Зато в тот день я познакомилась со своей тетей Раеттой. По дороге в Оргун папа рассказывал мне, что если бы не она, и я и мама просто бы погибли. Но Заступница послала ее нам на помощь. Только вот помощи мама совсем не оценила. Она говорила, что это ведьма испортила меня. Якобы повитуха видела, как мои черные волосы от рождения волосы побелели в воде. По-моему, так не бывает. Но вот глаза у тети Раетты были точь-в-точь как мои. А то, что она была ведьмой, папа не отрицал. Только у ведьм могли быть такие глаза, как у меня и тети.

Тогда я жутко боялась бесовок и того, что и мне уготована такая судьба – мама причитала, что таких не берут замуж, что их презирают. Папа же говорил, что тетя Раетта не бесовка, а целительница. Только кого же волновали такие мелочи? В деревнях, вроде нашей, всех, кто внешне чем-то отличался, называли бесовками.

Тетя действительно оказалось очень милой. Но вот перспектива остаться в девках очень пугала меня в детстве. Если б я тогда знала, что это меньшая из моих проблем...

«Где же может быть дракон?» – думала я, пробираясь сквозь народ на площади.

– Глянь, Генера свою бесовочку притащила.

– Она, что ж, надеется, что ее во дворец возьмут?

Кто это говорит? Тут столько народу!

– А куда ее девать? Замуж ее не возьмут, а чего зря лишний рот кормить?

– Ну, так-то оно да.

В силу возраста я не все поняла из слов тех женщин. Да и не до того мне было. Я искала дракона!

Я быстро обогнула всю площадь, но дракона так и не увидела. Куда он, интересно, делся? Если мама узнает, мне влетит. Но с другой стороны, когда я в следующий раз увижу дракона? Только через семь лет, если меня не выберут, и если принц снова почтит нашу глушь своим визитом. Нет уж, столько ждать я не собираюсь.

Внезапно передо мной возникла тощая сутулая фигура учителя Прауса. В выходном картапе с пышной горловиной с рюшами, со своим крючковатым носом он стал похож на надутого, но слегка недокормленного индюка. Привычным важным жестом он поправил очки на носу и строго взглянул на меня.

– Сейлиндейл Мар? Ты почему одна? Почему ты не на представлении? – гнусавым голосом спросил он.

– Я... я как раз туда бегу, – растерянно пролепетала я.

– Что с твоим платьем? – брезгливо осматривал он меня. – Куда только смотрит твоя мать?

Небрежно двумя пальцами он поднял прядь моих волос.

– Почему волосы не расчесаны?

– Они расчесаны! – возразила я. – Просто распущенные, а распущенные всегда путаются!

– Не смей! – худое лицо учителя Прауса побагровело, он схватил меня за руку. – Совсем стыд потеряла, негодница! Я скажу твоему отцу, чтобы как следует выпорол тебя! А лучше сам отхожу тебя розгами!

Вырвав у него свою руку, я побежала прочь. Учитель что-то кричал мне вслед, но я предпочла не слышать. Догнать, он меня не догонит. Ему бегать не по статусу, он же учитель.

Остановилась я лишь у ворот конюшни, чтобы отдышаться. Задержись я там еще немного, учитель Праус мог бы выпороть меня прямо там, на глазах у всех. Однажды он уже ударил меня клюшкой за сущую ерунду. Нога болела неделю, а синяк проходил еще дольше. И никто из родителей никогда с ним не поспорил. Наверняка, он пожалуется отцу, как обычно все преувеличит, расскажет, как неуважительно я с ним говорила, и отец поверит. Хорошо, если лишат ужина, хуже, если заставят чистить хлев, и совсем не хотелось бы думать о порке.

Вдруг за дверью конюшни что-то фыркнуло и отвлекло меня от неприятных мыслей. Не знаю, что это было, но на лошадь не похоже. Так фыркнули бы хором десять лошадей или даже двадцать. Осторожно приоткрыв скрипучую деревянную дверь, я заглянула в конюшню и обмерла. Он стоял в проходе между стойлами, огромный, до потолка ростом. Дракон! Настоящий королевский дракон в золотой сбруе! Его гладкая чешуя сверкала и переливалась синим металлическим блеском, точно она была литая. Длинная крепкая шея, гордо изгибалась, заканчиваясь под сводом деревянной крыши остромордой змееобразной головой с гребнями по обеим сторонам. Сильные перепончатые крылья были сложены за спиной, как у птицы, и если бы дракон захотел расправить их здесь, то ничего бы не вышло, конюшня была слишком тесной для этого.

Наверное, дракона спрятали сюда, чтобы побереечь нервы сельчан, заранее выведя всех лошадей, дабы не сожрал или не выпугал до смерти.

Увидев меня, дракон дыхнул паром и ударил шипастым хвостом по полу, подняв столп пыли. Я смотрела на него как на чудо, а он в свою очередь рассматривал меня, наверно, оценивая, друг я или враг. Сожрать или оставить. Любопытство взяло верх над страхом. Очень медленно я вошла в конюшню и закрыла за собой дверь. Дракон повернул голову сначала на один бок, затем на другой. Похоже, ему тоже интересно, зачем я сюда приперлась.

– Привет, – тихо сказала я, улыбнувшись дракону, и помахала ему рукой.

Дракон лишь моргнул змеиным глазом. Я сделала шаг в его сторону. Затем медленно еще один, как вдруг дракон заревел так, что я упала на пол и зажала уши.

– Шаккар, назад! – кто-то встал прямо передо мной, но я боялась поднять голову. – Успокойся, мой хороший. Эта девочка тебя не обидит.

Чего? Это я его не обижу? Я подняла голову и увидела начищенные до блеска черные кожаные сапоги. Этот человек пришел сюда не на своих двух по нашей линоррской грязи.

Я решила и посмотрела вверх. Передо мной стоял юноша немногим старше моего брата. На нем был надет яркий синий костюм. Широкий кожаный пояс подчеркивал стройную фигуру. Приталенный бархатный картап пересекала атласная золотая лента, точь-в-точь как его золотистые волосы. Юноша улыбнулся мне и помог встать на ноги, придержав под локоть.

– Не бойся, девочка, Шаккар сам тебя испугался, – ласково проговорил он.

Наверно, у меня сейчас жалкий вид. Одно только мокрое платье с грязными разводами и налипшей соломой чего стоит. И, тем не менее, он не побоялся испачкаться и не побрезговал дотронуться до простолюдинки. Я смущенно улыбнулась и сразу отвела взгляд. На господ тарашиться нельзя.

– Как тебя зовут? – спросил юноша.

– Сейлиндейл Мар, господин, – неуверенно ответила я.

– Не бойся меня, я тебя не обижу, – сказал он приятным голосом. – И Шаккар тоже. Королевские драконы не обижают детей.

– А я уже не ребенок. Мне одиннадцать лет, – несколько обиженно взглянула я на незнакомца.

Он по-доброму улыбнулся и чуть задумчиво добавил:

– Какие у тебя красивые глаза, Сейлиндейл Мар. Я никогда таких не видел.

Мне стало очень приятно, хотя и неловко.

– Все говорят, что у меня глаза бесовки, и это дурной знак. Никто не считает их красивыми.

– И много в твоей деревне видели бесовок? – усмехнулся юноша.

Я пожала плечами.

– Вот что, солнышко, я видел немало женских глаз, – сказал незнакомец, – и поверь мне, когда ты подрастешь, ты и впрямь будешь околдовывать мужчин взглядом.

– Я вас не понимаю, – я в недоумении смотрела на него. – Я не бесовка! Я не умею колдовать! Честное слово!

Незнакомец рассмеялся. Какие у него белые зубы!

– Просто запомни мои слова. Года через три поймешь, что они значат.

Я не стала спорить. Спорить с человеком, у которого есть дракон, вообще неблагоприятно.

– Тебе нравятся драконы? – спросил он, поглаживая Шаккара по гордо изогнутой шее.

– Да, наверное, – ответила я, взглянув на дракона, который высматривал что-то в лошадином стойле. – Вообще-то, это первый дракон, которого я вижу.

– Хочешь погладить?

– А можно? – засияла я. Марси обзавидуется!

– Конечно, пойдём.

Незнакомец взял меня за руку и подвел к дракону, который теперь опять внимательно смотрел на меня сверху.

– Не бойся, можешь погладить.

– Я не боюсь, – сказала я скорее самой себе и аккуратно положила ладонь на чешуйчатую шею ящера. – Холодный.

– Драконы хладнокровные, как и все ящеры, – пояснил юноша.

– Но сердце у них горячее, – подхватила я. – Я знаю! Мне брат рассказывал.

Незнакомец вновь улыбнулся ослепительно белой улыбкой.

– Это так.

– А еще он говорил, что дракон может откусить мне голову и поджарить, как куропатку на костре.

– Это тоже правда, – юноша похлопал дракона по шее. – Но ручной дракон без команды всадника ничего тебе не откусит. А вот дикий запросто.

Я уже увереннее гладила дракона. Мне даже стало это нравиться. Холодный и твердый, точно сталь. Тем волнительнее знать, что внутри него томится пламя, способное испепелить все вокруг за минуты. Незнакомец сделал жест рукой, и дракон опустил к нам голову. Я невольно попятилась, но врезалась спиной в незнакомца, тот придержал меня за плечи.

– Если что, я невкусная, – на всякий случай сказала я. Вдруг драконы понимают человеческую речь.

Дракон развернул голову на меня, и теперь мы стояли «лицом к лицу». От пронзительного взгляда огромных рыжих глаз с узкими черными зрачками и горячего дыхания у меня подкосились ноги. Кажется, что даже сердце мое затаилось и стало биться тише. Одна лишь голова дракона была размером с половину меня, надо ли говорить, что закусить мной целиком не составит ему особых трудностей. С другой стороны, хотел бы – уже бы закусил, да и хозяин

его рядом. Дракон смотрел прямо мне в глаза, и я видела в них свое отражение, точно в огненной пропасти. Сама не знаю зачем, я протянула руку и провела ладонью по лбу ящера между костяных гребней.

– Ты ему нравишься. Это очень необычно. Шаккар не любит женщин, – иронично раздалось за спиной. – Ты молодец, что не испугалась.

– Испугалась, – честно ответила я.

– Тогда тем более молодец, что преодолела свой страх.

– Какой он огромный, – прошептала я, задрав голову и пытаюсь рассмотреть ящера получше.

– Это тебе так кажется, потому что ты не видела других, – с улыбкой заметил незнакомец. – Шаккар – арнийский синий дракон. Это еще не самая крупная порода.

– А какая самая крупная? – я с интересом смотрела на разговорившегося парня, беззастенчиво рассматривая его приятное, улыбочивое лицо.

– Нагарский горный певун. Они примерно в пять раз больше Шаккара.

– Вот это да! – восхищенно выпалила я. – Такая громадина! А почему певун? Драконы, что, умеют петь? А как они поют, как птицы или скорее режут, как коровы?

– Потому что много болтает, – усмехнулся юноша. – Как ты сейчас.

Я сконфузилась.

– Простите, господин.

– Ничего, мне нравится твое любопытство. Девочкам несвойственно интересоваться драконами. Вам положено их бояться.

– У меня положено на то, что мне положено! Надоело уже! Сейлин, ты девочка, люби стирать, доить и стряпать! Бойся того, бойся этого! Сюда не ходи, там не стой! Это невозможно просто!

Синие глаза юноши округлились, а я поняла, как сильно сглупила. Брякнувшись на колени, я опустила голову и снова пролепетала невнятное «простите, господин». Ответом мне был залихватистый хохот. Я даже не поверила своим ушам и решила поднять голову. Он смотрел на меня, как на диковинного зверька, широко улыбаясь, и потирал пальцами подбородок.

– Ты смешная, Сейлиндейл Мар. Надо бы забрать тебя во дворец. Ты бы там всем понравилась.

– Мне нельзя во дворец, – в ужасе прошептала я. – Меня мама не отпустит.

– Я шучу, – он жестом приказал встать. Я послушалась. – Если бы ты была мальчиком, я бы прямо сейчас без смотра отобрал тебя в Академию. Но раз тебе повезло родиться девочкой, я просто отвечу на еще один любой твой вопрос.

Немного подумав, я спросила:

– Скажите, господин, а можно мне тоже научиться летать на драконе?

Юноша удивленно вздернул брови.

– Тебе?.. – он улыбнулся в раздумьях. – Ну, если вырастешь и не передумаешь, буду рад поприветствовать первую в истории женщину – всадника. Но почему-то мне кажется, что ты еще сто раз передумаешь. У такой красивой девочки, уверен, будет много женихов.

– Мне не нужны женихи!

Я надулась, а юноша погладил меня по голове:

– Ладно, ладно. Вырастешь и сама поймешь, что тебе нужно, а что нет. А теперь ступай и посмотри представление. Шаккару надо от тебя отдохнуть.

И не только ему, кажется. Я была безмерно благодарна этому милому юноше. Он мог бы прогнать меня, только увидев, а вместо этого рассказал столько интересного. Я не посмела спросить его имя и, поблагодарив, вышла на улицу. В моей голове никак не укладывалось столько новой информации. Горный певун, ардалийский черный... а нет, синий. Вот бы увидеть этих драконов своими глазами. Надо срочно найти Марси и рассказать ей!

– Сейлин! Я что тебе велела?! – громыхнуло над самым ухом.

В следующий миг мама отвесила мне смачный подзатыльник и, не дожидаясь ответа, потащила в толпу к центру площади.

Народу собралось – не протолкнуться, но мама активно работала локтями, и вскоре мы оказались в первом ряду зевак за веревочным ограждением. Веревкой оградили круг в центре площади. Здесь все еще танцевали огнеплясы с горящими факелами. Когда один из них, точно дракон, дунул огнем, толпа заревела то ли от страха, то ли от восхищения. Но куда ему до дракона? Как бы, интересно, заорали эти люди, если бы огнем дыхнул Шаккар?

Вдруг музыканты затихли, огнеплясы поспешно убежали, а в центр круга в остроконечной шляпе с перьями и блестящем красном картапе вышел разряженный королевский глашатай.

– Жители Горы! Согласно древней традиции, – медленно и важно заговорил он, – Его Королевское Высочество принц Йерран сегодня отберет курсантов Королевской Военной Академии. По окончании обучения лучшие из лучших будут зачислены в личную охрану Его Королевского Высочества принца Йеррана, а их семьи получают пожизненное государственное обеспечение.

Толпа на площади одобрительно заревела. Так, что я закрыла руками уши.

– К испытаниям допускаются мальчики в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет. Лишь пятеро самых смелых и ловких удостоятся чести носить гордое звание курсанта Королевской Военной Академии. Да поможет вам Пречистая Хэо!

Закончив речь, глашатай отошел в сторону и подал знак слугам, ожидавшим за ограждением. Те быстро внесли в круг пять деревянных мишеней, расставили их на равном расстоянии друг от друга и также поспешно вышли обратно.

Все это время я искала глазами Вейго. Он так ждал этого дня, тренировался в стрельбе из лука, упражнялся с деревянным мечом. Он даже уроки прогуливал, смело заявляя учителям, что всему, что необходимо, его научат в Королевской Военной Академии. Вейго был уверен в том, что пройдет отбор. Он уже не видел для себя иного пути. Жизнь в деревне казалась для него скучной и унылой, а там за Горой ждал удивительный мир приключений и подвигов, светлый и красочный мир. Достаточно посмотреть вокруг, и начинаешь понимать его. Вечные тучи, дожди и грязь – мир северной Линорры был серым и суровым, под стать ее жителям. Или это они были под стать окружающему миру, не знаю. Мне никогда не приходило в голову осуждать брата за желание сбежать. А единственный шанс выбраться отсюда – поступить на военную службу, потому что попасть за гору можно только по воздуху – на драконах.

И вот двадцать семь мальчиков вышли в круг, некоторые из них были мне не знакомы. Наверное, они приехали из Тинбарры и Оргуна. Большая часть была не старше меня, низкорослые, щуплые, без малейшего оттенка мужественности. Вейго и еще несколько ребят выигрывали выделялись на их фоне и ростом и фигурой. Все претенденты были обнажены по пояс и стояли босыми ногами на холодных грязных камнях. Но, казалось, Вейго это было безразлично. На его лице не читалось никаких эмоций, лишь сжатые кулаки говорили о нетерпении и решимости показать себя.

Кто-то тихо дернул меня за рукав. Я обернулась и увидела улыбающееся круглое веснушчатое лицо Марси.

– Сейчас начнется самое интересное! – в предвкушении зрелища она сжала руками канат ограждения. – Вейго отберут, вот увидишь. Пречистая ему поможет.

– Я надеюсь. Он очень хочет уехать из деревни.

– Тогда почему я не вижу на твоём лице радости?

Я бросила грустный взгляд на огромную черную громадину, возвышавшуюся на горизонте. У нашей горы не было названия. Ее много как называли, но ни одно имя так и не прижилось. Потому и зовут, кто Безымянной, кто просто Горой. Она была такой огромной, что

увидеть ее не составляло труда не только из любого места деревни, но, наверно, и из соседних провинций Тинбарры и Оргуна. Но в отличие от них, Линорра находилась прямо под горой, а наша улица и того ближе – крайний дом стоял в каких-то паре сотен метров от отвесной стены, забраться по которой было невозможно.

– Если Вейго уедет за гору, то я больше никогда его не увижу, – я почувствовала, как к глазам подступают слезы, и изо всех сил старалась не заплакать.

– Не говори так! – Марси взяла меня за руку. – Когда-нибудь Вейго прилетит в гости на королевском драконе. Будь у меня такой брат, я бы за него радовалась.

Я ничего не ответила. Умом я понимала, так лучше, там Вейго будет счастлив. Но сердце мое к доводам разума оставалось глухо.

Внезапно толпа оживилась, загудела, люди начали кричать и толкаться, точно стремясь уйти с дороги чего-то большого и ужасного. Раздался оглушительный рев дракона, и люди разбежались по сторонам на удивление быстро и слаженно, образовав живой коридор, точно не раз уже проделывали подобное. Вот что делает с людьми ужас.

Шаккар медленно шел меж ними к ограждению, и топот четырех его ног заставлял дрожать равно и землю и сердца людей.

– С ума сойти, это принц, – с придыханием прошептала Марси. – Какой он...

– Хороший, – закончила я ее фразу.

Марси с удивлением взглянула на меня, она явно не то имела в виду. А я смотрела на доброго юношу, которого встретила в конюшне. Но теперь его голову обрамляла изящная золотая диадема. Величественно и грациозно он восседал на спине Шаккара, держа правой рукой золоченые поводья. Левая рука лежала на рукояти меча на его поясе, как и предписывалось высокородным господам. Ни один всадник не сравнился бы с ним в великолепии. И пусть я никогда не видела других всадников драконов, но верю – это именно так.

– Его Королевское Высочество принц Йерран! – торжественно прокричал глашатай.

Сию секунду все упали на колени и преклонили головы. Я замешкалась, продолжая восхищенно тарашиться на принца. Но мама требовательно потянула за платье вниз, и я встала на колени, как остальные. Марси стояла подле меня. Она хотела было поднять голову, но ее мать, стоявшая позади, пресекла эту попытку тычком в затылок. Исподлобья я все же заметила, как принц жестом разрешил всем встать, и глашатай прокричал:

– Поднимитесь, жители Горы!

Люди поднимались. Женщины спешно поправляли юбки, мужчины смахивали грязь с колен. Светлые брюки Вейго теперь были испачканы. Но сейчас это волновало его меньше всего. Мне показалось, брат побледнел, хотя он и так всегда был болезненно бледным, как и все под Горой. В краю, где никогда не бывает солнца, бледная кожа – само собой разумеющееся. Принц кивнул, и глашатай объявил начало состязаний.

Первым испытанием была стрельба из лука с расстояния тридцать шагов. Вейго показал блестящий результат – все три его стрелы попали в центр мишени. Вторым испытанием стал поединок. Мальчиков разбили на пары, учитывая их возраст. Каждая пара на деревянных мечах по очереди билась в центре круга. После этого сражались уже победители из каждой пары. Долгие часы тренировок не прошли для Вейго даром. Он и здесь проявил себя блестяще.

Последним испытанием был ответ на один единственный вопрос – почему именно вы должны удостоиться чести стать курсантом Королевской Военной Академии.

Я не помню слов брата, я стояла и тихо плакала. То, что Вейго отберут в Академию, видно даже слепому. Всем было ясно, что он заслужил эту честь. Принц Йерран не может не оценить его старание.

Закончив речь, Вейго вернулся в шеренгу мальчиков взволнованный, но довольный собой. Принц Йерран, казалось, также был доволен услышанным и увиденным ранее. На его

губах осталась легкая улыбка. Внезапно он взглянул на меня. Наши глаза встретились. Принц очаровательно улыбнулся и подмигнул мне.

– Это мне! Мне! – завизжал за спиной тонкий женский голосок.

– Нет, мне! – с досадой возразил другой. – Он на тебя даже не смотрел!

– Да ты себя в зеркало видела?!

Не знаю, сколько бы они пререкались, если бы обеих не заткнули рядом стоявшие. Тем временем принц развернул дракона, чем снова заставил шарахнуться рядом стоящих, и также чинно удалился с площади.

– Это что ж выходит, смотра девок не будет, что ль? – возмущенно пробубнила позади меня мама. – На кой же черт я вчера покупала ей платье?

Мама Марси, худая, усталая женщина лет сорока тяжело вздохнула и с грустью посмотрела на дочь.

– Видно, во дворце и без того полно прислуги. Может, через семь лет повезет.

– Не говори чепухи, Ингора, – возразила мама. – Через семь лет твоя девка уже сама детей нянчить будет. Скорей бы Сейлиндейл созрела, отец уже договорился выдать ее за сына Ярлая.

Я вздрогнула, как ножом уколотая, и в испуге уставилась на маму. Выдать меня за Ярлаева сына? За которого из них? Толстого, потного и вонючего коротышку Оральда или этого отморозенного задиру Римана, от которого уже сейчас, в двенадцать лет, воняет дешевым пойлом? Даже не знаю, что хуже!

– Когда же было сватовство? – лицо Ингоры отражало удивление и зависть в одном флаконе.

– Сватовство будет... на днях, – больше всего мама боялась потерять лицо.

На это Ингора хитро улыбнулась и кивнула, дескать «ври больше». Тем временем глашатай снова вышел в центр круга и огласил список победителей смотра. «Вейго Мар из Линорры» был назван первым. Вейго радовался как маленький, он схватился за голову, и улыбка озарила его красивое лицо. Мечта моего брата сбывается. Сегодня он покидает родную деревню. Завтра впервые увидит рассвет, а вечером звезды. Мои родители никогда не видели восхода солнца и звезд, как и другие жители Линорры и соседних провинций. Окруженные горной цепью, мы всегда пребывали в тени. Тяжелые серые тучи – вот наше небо. Рисунки в школьных книгах – вот мои солнце и звезды. Увижу ли я когда-нибудь настоящие? В глубине души я безумно завидовала брату.

– Вейго-то молодцом, – с некоторой долей зависти проговорила Ингора. – Глядишь, еще и содержание вам добудет.

– Добудет, еще б не добыл, – фыркнула мама. – А потом за Сейлиндейл калым дадут, – она потрепала меня по голове, разлохматив волосы.

Я быстро их пригладила и обиженно покосилась на маму. Марси неумело подавила смех, и за это я ткнула ее локтем.

Сияющий и довольный, Вейго подбежал к нам и первым делом раскрутил меня на руках.

– Я же говорил тебе! – прокричал он.

Я крепко обняла его за шею.

– Я верила в тебя!

– Знаю, – Вейго поставил меня на землю и обнял заплаканную маму.

Папа был куда более сдержан, но так похлопал сына по плечу, что и слов было не нужно.

– Как же... не верю... мальчик мой уедет теперь... – бормотала мама, вытирая то один глаз, то другой.

– Наш сын будет служить в армии короля, – восторженно с придыханием произнес папа. Гордость переполняла его.

– Ну? Я же говорил, к бесам мне не сдалась школа, – тщеславно улыбался Вейго.

– А если бы тебя не взяли? – мама скрестила руки на выдающемся бюсте.

– А если бы – это не про меня, мам!

Едва был объявлен последний отобранный мальчик, бурю радости уже не способны были остановить никакие чопорные традиции. Победители радовались, кричали, обнимали друг друга. Победенные уныло уходили из круга. Вейго мечтал, верил, несмотря ни на что, и его мечта сбылась. Теперь его ждет интересная, полная приключений жизнь. А меня? Я завидовала ему. По-белому, конечно.

Мальчикам, прошедшим смотр, дали три часа, чтобы попрощаться с родными. Никаких вещей из дома забирать не разрешили. Академия обеспечивает курсанта всем необходимым.

Пока Вейго прощался с родителями, я сидела во дворе у корыта с водой и бросала ленивым, зажавшимся гусям кусочки черствого хлеба. Я плохая сестра. Хорошая должна бы радоваться за брата. Ему оказана такая честь. А я? Я сижу, едва сдерживая слезы, и с ужасом жду момента, когда за Вейго захлопнется калитка. Больше никогда он не разбудит меня щекоткой, не позовет под вечер пугать девчонок монстром из соломы. Вейго был самым лучшим братом... Да что я за сестра такая?! Как можно говорить о любимом братике, как о покойнике?! Я должна радоваться за него! Должна!

– Сейлин, ты чего реवेशь? – я даже не заметила, как Вейго подошел ко мне.

– Я не реву, – смахнула рукой слезы.

– Я же вижу, – Вейго сел рядом и мягко приобнял меня за плечо. – Ты плачешь, потому что я уезжаю?

Я сдалась и молча кивнула. Вейго вздохнул и улыбнулся.

– Ладно тебе. Я же не умер. Я просто уезжаю на службу. Ты ведь знаешь, как почетно учиться в Королевской Военной Академии.

– Знаю, – всхлипнув, признала я и, не сдержавшись, тут же разревелась снова.

– А затем я буду охранять принца, – с мечтательной улыбкой продолжил брат. – Ты знаешь, что курсанты после окончания Академии считаются лучшими воинами Ясных земель? Просто представь, какие возможности это дает простому парню вроде меня. Раз в семь лет ребятам из нашей дыры тоже выпадает шанс на лучшую жизнь. Ты понимаешь, как это здорово, Сейлин?

– А ты будешь летать на драконах, Вейго? – я взглянула в красивые зеленые глаза брата. Он улыбнулся и погладил меня по голове, окончательно разлохматив волосы.

– Нуу, не знаю. Не мне решать. Куда направят, там и буду служить. Мне все равно, в общем-то. Главное, что я буду в рядах курсантов.

Я вспомнила Шаккара, и на моих губах невольно появилась улыбка.

– Ну? Здорово?

– Да.

– Тогда радуйся за меня, ну?

Вейго широко улыбался своими ровными зубами. Такими мог похвастаться отнюдь не каждый парень в Линорре. У Римана, моего вероятного суженого, уже не доставало нескольких впереди.

Вейго было всего четырнадцать, но выглядел он старше и крепче ровесников. Его юное, красивое лицо, наверняка, снилось не одной девушке в Линорре. Но очень скоро они его забудут. С глаз долой – из сердца вон. Все они. Но не я. Ведь Вейго – мой единственный по-настоящему родной человек.

– Я рада, Вейго, правда, – тихо произнесла я, и это прозвучало предательски неправдоподобно. – Но ты же сам рассказывал мне, что курсанты редко возвращаются домой. И я не смогу повидать тебя, ведь никто не может по земле перейти Гору.

– Не бойся, родная, – Вейго чмокнул меня в лоб. – Даже если я и не вернусь, через несколько лет ты выйдешь замуж, и уже муж будет защищать тебя. У тебя появятся другие

интересы и заботы. А до тех пор, я знаю, ты и сама не дашь себя в обиду. Я же видел, как ты позавчера побила Римана.

Не сдержала грустную улыбку. Била за дело, между прочим. Нечего было щипаться. Но Вейго не понимает главного.

– Я не боюсь. Я хочу с тобой, – робко сказала я.

И мне стало невероятно стыдно.

– Девочек редко отбирают, – Вейго лишний раз озвучил то, что знали все, и я тоже. – Я спрашивал у свиты Его Высочества, почему не было смотра девочек. Мне сказали, что служанок достаточно и в самой Ардалии. Конечно, с одной стороны, от жалования служанок их родителям тоже отчисляют некоторую часть, но с другой, служанки во дворце редко получают право завести семью и детей.

– Я не хочу замуж за Ярлаевых сыновей, Вейго! – снова всхлипнула я. – Не надо мне никакую семью! Я хочу летать на драконе!

Сквозь слезы я видела, как Вейго закатил глаза, дескать «ну и выдумала!»

– Девчонки не летают на драконах. Выдумщица. Ты просто пока маленькая.

– Ты, что ли, очень большой?!

– Так, ну перестань! – сказал он твердо и, посмотрев в мои заплаканные глаза, добавил мягче: – Не реви, ты же сильная. Ты гораздо сильнее, чем думаешь. Даже если ты не веришь в себя, всегда помни, что я в тебя верю. На вот, береги. На память от меня. Мне все равно ничего с собой брать не разрешили.

Он протянул мне свой метательный нож с рукояткой в форме крыла дракона из той самой ивы с Гнилого болота.

– Не потеряй. Ну... мне пора, родная. И помни, что я тебя люблю.

Вейго встал и, не оглядываясь, вышел со двора так, будто за ним кто-то гнался. А я осталась молча реветь, сидя на лавке у корыта. Мыслей не было, одна лишь тупая и обреченная боль. Вейго, почему я не могу улететь с тобой? Почему?! Почему я должна оставаться и гнить здесь, день ото дня покрываясь плесенью и скорбью? Я не хочу...

Я просидела на этой прогнившей лавке еще около получаса. Медленно тупая боль сменилась такой же тупой обреченностью. Все это время родители из дома не выходили. Не знаю, почему. Наверно, в силу возраста, мне тяжело было понять их чувства. С одной стороны, я знаю, они были горды за сына, но неужели им не грустно от расставания с ним? Неужели им все равно, что они больше не увидятся? Ведь сейчас он вместе с другими новобранцами сядет в воздушную повозку, и дракон перенесет их через Гору в земли солнечной Ардалии, навсегда оторвав от меня.

И я больше его не увижу.

И он забудет меня. Пусть, не завтра. Пусть, не через год. Но забудет... Нет, так же нельзя! Я хочу увидеть Вейго еще хоть раз! Да просто на прощанье пожелать удачи!

Как ошпаренная я выскочила со двора и сломя голову понеслась на площадь, откуда должны были улетать мальчики. Только бы они еще были там! Только бы успеть!

Выбежав на площадь и протиснувшись сквозь толпу зевак, я увидела, как Вейго вместе с другими мальчиками заходит в здоровенный деревянный экипаж на колесах.

– Вейго! – изо всех сил тогда крикнула я.

Но Вейго не обернулся, похоже, за гомоном людей не услышал меня. Вместо лошади запряженным стоял не крупный, но мощный серый дракон, который суетливо топтался на месте, желая скорее взлететь. Вейго последним зашел внутрь, и паж снаружи запер дверь на засов.

– Подождите! – заорала я.

В тот же миг дорогу мне преградил стражник в металлических доспехах.

– А ну стоять! Куда собралась?

Я дернулась было в сторону, но стражник оттолкнул меня назад. Невзирая на преграду, я вновь рванула к экипажу, и на сей раз оказалась проворнее, а грозный страж в тяжелых доспехах никак не успел бы за мной.

– Вейго! – кричала я на бегу. – Вейго, подожди!

Но вдруг кто-то схватил меня сзади за плечо и с силой отбросил обратно. На мгновение все в глазах закружилось. Я больно ударилась всем телом о мощеную камнем площадь, дыхание сбилось, я не могла даже вскрикнуть – лишь стон вырвался из груди, даже сознание на какое-то время, наверно, покинуло меня. И вот я лежу на земле, а над головой простирается бесконечное мертвое серое небо.

– Что тут происходит? – донесся издали знакомый голос.

Я кое-как поднялась на ноги. Мое красивое платье теперь снова было в грязи, волосы вымокли в луже, но меня это больше не волновало. Мой брат улетает навсегда.

Принц Йерран неспешно подошел ко мне.

– Больно упала, Сейлиндейл Мар?

Я потупила взгляд и сцепила руки в замок. Конечно, больно.

– Ваш стражник меня толкнул, – тихо сказала я.

– Честная девочка, – мило улыбнулся принц. – Но он выполнял свою работу. У каждого из нас в этом мире есть свои обязанности.

Я промолчала. Наверно.

– Ты хочешь со мной попрощаться?

Я мельком взглянула на него, но, смутившись, снова опустила глаза.

– Господин, я хотела попрощаться со своим братом.

– К принцу принято обращаться Ваше Высочество, – раздался суровый властный голос.

Я бросила осторожный взгляд чуть правее принца. В паре метров от нас стоял мужчина лет сорока, в расшитом сверкающими белыми камнями красном картапе, совершенно лысый, с короткой черной бородой и усами, с длинным крючковатым носом.

– Ваше Высочество, вам не пристало общаться с простолюдинами, – назидательно заметил он.

– Разве не вы, изир Мерерад, говорили мне, что я должен лучше узнать свой народ? – обернулся к нему принц Йерран. – Разве не за этим я здесь?

– Да, но...

– Тогда позвольте мне поговорить с этой девочкой, – принц снова повернулся ко мне, а его наставник был вынужден снисходительно промолчать.

Я избегала взгляда Его Высочества. В школе нас всех, учеников, готовили к смотру и объясняли, что в глаза господам смотреть нельзя. И вообще, желательно смотреть себе под ноги, а когда к тебе обращаются, отвечать коротко, уважительно и лучше всего почаще извиняться.

– Как зовут твоего брата? – спросил меня принц.

– Вейго Мар, – ответила я, и нечаянно взглянула в его красивые синие глаза.

– Не волнуйся, солнышко. С твоим братом будет все хорошо.

– Я хотела отдать ему что-нибудь на прощание.

– Подрастешь, пройдешь смотр, и сама ему вручишь, – с ласковой улыбкой он погладил меня по голове. – Если твой брат смог пройти смотр, значит, он достойный юноша. Ты тоже хорошая девочка. Уверен, и ты сможешь. Расти скорее, буду рад видеть тебя во дворце.

Я улыбнулась. Он прав. Если Вейго смог, то и я смогу. Непременно смогу. Я отошла и вместе со всеми смотрела, как дворцовые стражи на двух серых драконах грузно оторвались от земли. За ними принц Йерран верхом на величественном Шаккаре и изир Мерерад в личном экипаже, запряженном драконом с всадником. Последним в воздух поднялся экипаж с новобранцами.

Я провожала экипаж взглядом до тех пор, пока он не скрылся за Горой, и даже немногим дольше – я просто смотрела в равнодушное серое небо, забравшее у меня брата. Проклятая Гора отныне не только отделяла нас от остальной части Ардалии, она стала непреодолимой преградой между мной и Вейго.

Не знаю, сколько я бы еще стояла на площади, если бы не дождь, ожидаемо поливший из нависшей над Линоррой тучи.

Прибежав домой, я скинула в сених грязные мокрые хиги, ополоснула ноги в ведре с водой и обтерла их сухой тряпкой. Таких тряпок на веревке висело еще с десяток про запас. Из-за высокой влажности они не высохали порой по нескольку дней.

По моему лицу и волосам ручьями стекала дождевая вода. Платье тоже надо бы отжать, прежде чем войти в дом. Иначе я залью весь пол.

Развязав туго затянутый мамой пояс, я облегченно вздохнула и собиралась избавиться от мокрой одежды совсем и пройти в нашу с братом комнату, но голос папы, донесшийся из кухни, заставил меня вздрогнуть и замереть.

– Да убери ты уже с лица эту скорбь! Мы не на поминках, Генера!

Аккуратно заглянув в приоткрытую дверь кухни, я увидела маму и папу. Они сидели за старым деревянным столом, доставшимся папе еще от его отца. Мама вытирала глаза кухонной тряпкой, а папа, налив себе из бутылки драконьей воды, одним махом осушил стакан.

– Ух, ядреная, – скривился он, потеряв нос рукавом рубахи. – Передержала ты в этот раз.

– Ты все равно сожрешь, – мама отложила на стол влажную от слез тряпку. – Скот бесчувственный. Наш единственный сын нас оставил, а ты, знай себе, драконью воду глочешь.

Говорили, что пить папа начал после моего рождения. Я редко видела его трезвым. Но, стыдно признаться, я любила его пьяным – именно тогда он был ласковым и заботливым отцом, разрешал поиграть и погулять подольше.

– Вейго не помер! – громко произнес папа, пристально глядя в покрасневшие мамини глаза. – Чем ходить и причитать, займись лучше воспитанием дочери. Не ровен час созреет, а характер говно говном. Если кто замуж и возьмет, то только ради смазливой морды.

– Характер этот у нее в тетку Раетту! А она твоя сестра, между прочим, – мама погрозила папе пальцем. – Ох, не сосватаем за Ярлаевых сыновей, горе будет...

– Неужто мало у нас в деревне пацанов?

– Толку с них что? – мама сдвинула густые черные брови. – У кого, кроме Ярлая, найдется калым, чтоб от людей стыдно не было?

– Калым... – закатил глаза папа. – Да хоть бы уж кто взял такую! Лишь бы самим доплачивать не пришлось.

Мама с досадой рухнула лицом на ладони.

– Вот говорила мне старая Анда, не надо девку рожать, – пробормотала она. – Горень-траву давала, но я же думала, бредит старая – сына я ношу.

Вдруг папа громыхнул кулаком по столу так, что я отшатнулась от двери.

– Ты слышишь себя, дура?! Это дочь твоя!

– Не ори на меня, Аргус! Это все твоя сестра – бесовка виновата! Из-за нее Сейлин – ведьма белобрысая.

Папа молчал, сидя на скамейке и бессмысленно смотрел куда-то в пол.

– Если б она не приперлась на роды, Сейлин не родилась бы такой!

Папа поднялся и направился к выходу из кухни.

– Если бы не Раетта, Сейлин бы родилась мертвой, – на секунду остановившись, пробормотал он.

– Да лучше мертвой, чем проклятой бесовкой...

Меня обдало холодом. Я бросилась к себе в комнату и, забежав, прижалась к двери. Ко мне никто не заходил. Медленно подойдя к зеркалу, я подняла глаза на свое отражение. Оттуда

в полумраке на меня молча смотрела худенькая девочка в грязном платье по колено. Ее длинные мокрые волосы, точно бледные змеи, сползали по груди, на лице чернели впалые щеки, а от ярко-голубых глаз веяло холодом и одиночеством. Я не узнавала себя. В зеркале стояла какая-то другая, незнакомая девочка, просто похожая на меня. Она выглядела как настоящая бесовка и очень пугала меня. Не выдержав этого взгляда, я отошла от зеркала и завесила его простыней.

Это все мои глаза. Теперь я понимаю, почему мама так их не любит. И не только их. Как-то раз я слышала, как соседка, тетя Танора, советовала маме перекрасить мои волосы в темный цвет, чтоб немножко приблизить мою бесовскую внешность к нормальной. Потому что «такую» меня ни один мужчина в жены не возьмет. Мама всерьез собиралась покрасить меня в черный цвет. Даже порошок из высушенного корня акавы раздобыла. Но тогда папа почему-то запретил.

Мне всегда было интересно, почему мои волосы не темные как у мамы с папой. У Вейго волосы каштановые, глаза зеленые. Я же точно чужая. Даже у тети Раетты волосы были темными. В сочетании со светло-голубыми глазами выглядело это жутковато, но все равно таинственно и притягательно.

Тетю мама всегда недолюбливала. Говорила, что она занимается колдовством, потому я должна держаться от нее подальше. Да это было и несложно – она жила за много километров, в Оргуне, и приезжала к нам очень редко. Но, признаюсь честно, тетя мне всегда нравилась. Она одна не называла меня бесовкой. Даже Вейго иногда так шутил. Хотя я на этого говнюка не обижалась.

Вспомнив о брате, я снова расплакалась. В тот день я видела его последний раз.

2 глава

Вскоре меня сосватали за Римана, старшего Ярлаева сына. Риман наследовал все хозяйство отца: мельницу, пахотное поле, пять лошадей, восемь коров и еще какое-то немалое количество птицы. В общем, среди наших девчонок Риман считался завидным женихом, хоть и с отвратительным характером и репутацией завсегда кабаков и задиры.

К пятнадцати годам фигура моя уже несколько округлилась, парни переставили задираться и начали смотреть иначе. Маленькая бесовка как-то вдруг, неожиданно для меня, стала желанным трофеем. Радовало ли меня такое внимание? Отнюдь. Мало приятного в том, что подпитый Риман или его дружки теперь пытались протянуть свои лапищи, куда не положено. Естественно, по этим лапищам они получали, а заодно и по всем остальным частям тела, до которых я успевала достать.

Как-то после очередной неудачной попытки залезть мне под юбку, я таки выбила Риману зуб на глазах у закатившихся со смеху товарищей. Харкнув кровью, Риман тогда прокричал: «Ты мне еще ответишь за это, ведьма! Вот станешь моей женой, я из тебя всю дурь мигом выбью!»

У меня внутри все сжалось. Я смотрела на жалкого рвано-волосого озлобленного труса с окровавленной ухмылкой и с ужасом представляла, что ждет меня в браке. «Я лучше сдохну, чем выйду за такого уродца!» – в сердцах прокричала я ему.

Я не врала. Я и впрямь готова была утопиться, перерезать себе вены или повеситься, лишь бы никогда не становиться женой этого ничтожества!

Тем же вечером отец Римана пришел выяснить, почему сосватанная девка позволяет себе подобные выходки, и не стоит ли ему разорвать помолвку? Родители наплели ему что-то и заверили, что я покладистая и на все согласная.

А чтоб слова с делом не расходились, папа выпорол меня ветками ивы, посадил в сарай и запер без еды и воды. Я кричала и умоляла родителей отказаться от помолвки, но все было бесполезно. А мама то и дело подходила к двери и, пару раз стукнув по ней ногой, повторяла «Моли Хэо о милости, непутевая. Будет ее воля, закроет глаза на грехи твои».

Грехи... непослушание и нежелание выходить замуж. Вот мои грехи. Но кто придумал, что это грехи? Единственный «Устав жизни», надиктованный кому-то когда-то богиней хранился у каких-то магов за Горой. Я никогда его не видела, мои родители тоже. Да никто его не видел! Так почему я должна верить на слово? Я не верю, что Хэо накажет меня за то, что всего лишь хочу жить. А жизнь с Риманом будет хуже смерти.

Тогда меня продержали в сарае четыре дня, но, так и не добившись согласия на брак, все равно впустили. Видимо посчитали, что мертвая невеста хуже непутевой.

После этого я два часа проплакала в хлеву под пузом у старой Белянки. Корову мое присутствие никак не смущало, в полудреме она жевала свое сено и лишь изредка сгоняла хвостом особенно наглых насекомых. Спасибо ей за это. Иногда коровы могут дать тебе то, на что не способны иные люди. О, Пречистая Хэо, пусть Белянку никогда не забьют на мясо! Пусть я никогда не созрею!

Марси меня в этом опередила. Она так радовалась, что больше не ребенок. Она-то давно уже присмотрела себе в мужья сына кузнеца, Хостена Гарна.

Марси не была красавицей. По крайней мере, таковой ее не считали. У нее было круглое в веснушках лицо, бледная с сероватым оттенком кожа, отчего Марси всегда казалась немного больной. Глаза у нее были небольшие, широко расставленные и такие же серые, как окружающая действительность. Ноги стройные, но короткие и кривые. Однако данный недостаток Марси успешно скрывала длинной юбкой, и двигалась всегда так легко и грациозно, что заподозрить ее ноги в каком-то пороке было невозможно. Волосы Марси были не слишком густыми,

но и, отнюдь, не редкими, хотя сама подруга называла их убожеством и для объема вплетала в косу несколько соломинок под стать цветку.

Сколько ее помню, Марси всегда хотела замуж и много детей. Порой я даже завидовала ее нормальности. Со мной-то что не так? Почему об одной мысли о замужестве, у меня внутри все скручивается морским узлом?

Девушки Линорры сторонились меня. В первую очередь из-за внешности, и потом, не интересно мне было болтать с ними про парней и строить глазки каждому проходящему. А других занятий в свободное время они не знали.

Марси старалась успевать и тут и там. Хотя Марси частенько пугали, что я наведу на нее порчу, она не слушала. Спасибо ей за то, что не осуждала и не перестала быть моей единственной подругой. Хотела б я навести порчу на этих кур, да не умею.

Когда мне исполнилось семнадцать, все стало совсем плохо. Сказать, что мама ждала, когда я созрею для замужества – ничего не сказать. Она так фанатично проверяла мои простыни, что порой при виде ее покрасневшего от гнева лица мне становилось страшно. Не находя на них следов крови, она впадала в ярость, начинала кричать, что я больная, что позорю семью, что с моей бесовской внешностью я должна ежечасно молиться Пречистой, чтобы отец Римана не передумал женить на мне сына. Втайне от всех – ведь стыдно же было от людей – она искала мне знахарок и лекарей, но те лишь разводили руками и говорили, что девочка здорова, и надо ждать. И она ждала. Очень ждала. А я молилась Хэо каждую ночь и просила ее отсрочить день созревания.

Но вот сегодня я проснулась от странного ощущения внизу живота. Такого я прежде еще не испытывала. Было не больно, но некомфортно, точно по животу разлилось горячее молоко. Откинув одеяло, я увидела на простыне красное пятно. О, Пречистая, только не это! В панике я пыталась сообразить хоть что-то. Но мозги напрочь отключились! Родители должны были уехать на ярмарку еще до первых петухов. Значит, время есть. Они не должны узнать!

Вскочив с кровати, я стащила с нее простыню и босиком выбежала во двор. Сунув простыню в корыто с водой, я что есть сил принялась отмывать кровь.

Спустя полчаса от пятна ничего не осталось, и я вздохнула с облегчением. Не получилось бы вывести пятно, простыню пришлось бы сжечь.

– Сейлин? – послышался радостный голос Марси.

Я вздрогнула и обернулась. Марси стояла у калитки, держа на руках спящего двухмесячного сына. Почему я ее не заметила? Как много она видела? Убить или запугать?

– Поздравляю, подруга! Наконец-то ты стала взрослой, – с искренней радостью пропела Марси и, покачав закряхтевшего ребенка, добавила: – Скоро и у тебя такой будет.

– Марси! Прошу тебя, не говори никому! – взмолилась я. – Я не хочу замуж за Римана! Только не за него.

– Но тебя ведь уже сосватали?

– Ну и что? Я все равно за него не пойду! Лучше сдохнуть!

– Это грех, так нельзя...

– Тогда я буду грешницей.

Лицо Марси покраснело.

– Прекрати! – она сказала это так громко, что ее сын захныкал. Марси покачала ребенка и тише добавила: – Не гневи богиню. Тебе предлагают сытую жизнь. Ты чего хотела вообще? Может, тебе изира подавай?

– Да не нужен мне никакой изир, Марси! Я хочу, чтоб меня не трогали! Я не знаю, чего я хочу...

Тело мое обмякло, и я сползла на землю и прижалась спиной к прохладному корыту.

– Ну подожди грустить. Я слышала, ты ему в самом деле нравишься...

– Марси, ты себя слышишь?! Ты что, Римана не знаешь? Он же тварь, каких мало. Твой Хостен любит тебя и не бьет, а мне светит ходить с поломанными ребрами и с зубами реже, чем забор у тетки Пины.

– С Хостеном мне и правда повезло. Он меня даже от работы по дому оградил, – Марси улыбнулась, вспомнив о муже. – Он понимает, что сынуля отнимает все мои силы.

– А теперь вот на секундочку представь, что ждет меня с Риманом. Эта мразь из тех, кто напивается до беспамятства, избивает свою семью, а потом делает вид, что он не причем. Сами виноваты – нечего было глаза мозолить.

– И что же ты собираешься делать? – Марси окинула сочувственным взглядом мою висевшую на корыте простыню. – Вечно это скрывать не получится.

– Я придумаю что-нибудь. Но, умоляю, не говори никому.

– Не скажу. А ты выстирай ночную рубашку.

Я привсталала и извернулась так, чтобы посмотреть на заднюю часть ночнушки. Вот жуть!

– Спасибо!

– Я попозже зайду, запри дверь на засов, от греха подальше. – Марси вышла со двора и захлопнула за собой калитку.

Я подбежала и задвинула засов. Теперь за высоким забором никто не увидит следов моего преступления. Одним движением я стянула ночнушку и поспешила замыть и ее. Сейчас меня совершенно не волновало, что я нахожусь посреди двора совершенно голой. На переодевания нет времени, родители могут вернуться в любое время. А если кто и увидит, то мальчишкам я всегда отобью охоту трепаться. Чему меня научил брат, так это всегда драться так, будто от этого зависит моя жизнь. Если правда откроется, и меня отдадут Риману, «будто» из этого предложения исчезнет.

Чтобы мое выстиранное белье не вызвало подозрений, я заодно постирала белье из родительской комнаты, а также пару других тряпок. Вернувшись, мама скептически отнеслась к моему энтузиазму, но, к счастью, ничего не заподозрила.

Мне удавалось скрывать все еще три месяца, пока вдруг мама не заметила на простыне предательски засохшую каплю крови, которую я не заметила и вовремя не отстирала.

– Как давно ты созрела?! – кричала она, размахивая руками. – Как давно, я спрашиваю?!

Я упорно молчала, поджав губы. Тогда мама с силой схватила меня за руки и затрясла, что было мочи.

– Отвечай! Как давно, негодница?!

Она кричала мне прямо в лицо. От ее крика закладывало уши. Папа смотрел на меня осуждающим, разочарованным взглядом и не собирался защищать. Боль от сильных маминых пальцев и ужас парализовали меня. Я видела лишь ее выпученные глаза и рот, изрыгающий брань. Что происходит?! Почему она так со мной? Что я ей сделала? Отцу хотя бы просто наплевать на меня, он всегда любил лишь Вейго, ведь брат был сильным, смелым, и главное, мальчиком. Я тоже была сильной и смелой, но это никому не было нужно, потому что девочки должны готовить есть, стирать белье и рожать детей. И никому не было интересно, что к семнадцати годам я уложила на лопатки всех до одного парней в деревне, чтоб не распускали руки. И, что особенно приятно, выбила Риману уже все передние зубы. Но мама и слышать не хотела о том, чтобы разорвать помолвку. Зачем? Это всего лишь моя блажь, а ей уже внесли за меня теленка в качестве калыма.

Никогда еще мама не кричала на меня настолько яростно. Она отхлестала меня по лицу и закричала так, что даже папа не выдержал.

– Генера, уймись! – расслышала я сквозь мамины вопли. – Оставишь ей синяки, стыдно от людей будет!

Но мама его не слушала. Я давно не видела ее такой... Ее лицо побагровело, вены на висках надулись, а глаза смотрели на меня широко и с такой яростью... Она стала похожа на дикое животное. Хотя вряд ли бы животное так обижало свое дитя. На это способен лишь человек.

– Я тебя спрашиваю, как давно ты созрела?! Отвечай, поганка! Сегодня же пойдешь к Риману и на коленях будешь просить жениться на тебе! А потом в сарай! На неделю!

– Мама! Прекрати! Хватит! – изо всех сил я дернулась в сторону. – За что ты так со мной?! Я ни за что не выйду за Римана! Лучше убейте меня сразу!

Едва не сбив с ног ошалевшего отца, я выбежала во двор, босиком добежала до калитки, распугав по пути крикливых гусей, и лишь на миг остановилась в дверях перевести дух. За мной никто не гнался. О, Пречистая, почему они так со мной поступают? Я же не вещь, я не скотина. Я даже не уродина, чтобы спихивать меня, как залежалый товар на ярмарке! Не знаю, что делать, но ничего не делать я тоже не могу. Если не я решу свою судьбу, это сделают за меня. Глубоко вдохнув, я вышла из калитки и побежала к дому Марси.

Марси кормила во дворе птиц. Двор ее мужа был обнесен не таким высоким забором, потому Марси заметила меня еще издали и, перепуганная, открыла калитку.

– Марси! – рыдая, я так крепко вцепилась в подругу, что, наверное, чуть не придушила.

– Сейлин, что случилось, дорогая? Ты почему босиком? – Марси кое-как отодвинулась от меня, но лишь для того, чтобы нормально дышать. Она нежно гладила меня по спине. – Расскажи мне. Мы с тобой пойдем и наваляем ему, как всегда.

– Марси, мама все знает, – сквозь слезы прошептала я. – Я вены себе порежу, но не пойду за Римана замуж!

– Ну, тихо, тихо, милая. Не надо ничего резать, мы что-нибудь придумаем.

Я наконец отцепилась от Марси. От нее веяло такой нежностью, такой заботой, но, конечно, не обо мне. Она пытается утешить меня, но слова «все будет хорошо» – это не то, что мне нужно. Я знаю, что она – моя подруга и всегда ей будет, но Марси теперь другая. Даже ее запах другой. Теперь она жена и мать, и для нее это важнее. А я в ее глазах лишь девчонка, которая не хочет замуж и не ведает, что счастье женщины в муже и детях. Ради сына Марси терпела бы даже такого, как Риман. Но ей повезло, у нее любящий муж. А вот я втаптывать себя в грязь не готова. Чертовски символично, учитывая, что я стою босыми ногами в луже.

Марси завела меня во двор и усадила на скамейку.

– Хочешь, я попрошу родителей Хостена помочь найти тебе другого жениха? Они хорошие люди, они помогут. У них много знакомств в Тинбарре. И очень хороших. Уедешь отсюда, начнешь все с начала.

– Делай, что хочешь, – обреченно прошептала я. – Хуже уже не будет.

Три дня я жила на конюшне, благо лошадей там в это время года не было. Марси дала мне одежду, приносила пищу, а к вечеру четвертого дня неожиданно пришла вместе с мужем.

Привыкшая прятаться от любопытных глаз, я притаилась в пустом стойле, едва услышала за воротами конюшни приближающиеся шаги.

– Сейлин? – позвала она.

Я высунулась из-за перегородки и расслабленно выдохнула. Марси.

Увидев меня, Марси радостно заулыбалась. Интересно, почему. Ее муж Хостен, высокий, чуть полноватый блондин, вел себя более сдержанно. Наверняка, он не одобрял возни супруги с моими проблемами. Он нашей дружбой и без того был не особенно доволен.

– Сейлин, у нас хорошие новости! Отец Хостена нашел в Тинбарре мужчину, готового взять тебя в жены. Он даже готов выплатить Ярлаю задаток за тебя.

Что ж, Марси свое слово сдержала. Она нашла мне другого мужа. Только почему-то мне не особенно легче.

– Он, конечно, не очень молод, но зато богат, – продолжил за жену Хостен. – Лучшей партии тебе не найти, Сейлин.

– И насколько же он не молод? – осмелилась поинтересоваться я.

– Нам неизвестно, – опередил жену он.

Лицо Марси осталось для меня загадкой. Не могу понять, то ли она рада за меня, то ли советует прыгнуть в колодец и не мучиться.

– Изир Текарай придет сегодня вечером и попросит твоей руки? – продолжил Хостен. – Ты тоже должна прийти домой.

Почему его слова звучат как «ты мне обязана по гроб жизни»? Наверно, потому что, выйдя замуж за изира Текарая и став изирой, я действительно буду обязана этим семье Хостена.

Одно то, что изир собирается сватать простолюдинку, говорит о том, что ему расписали меня либо как редкую красавицу, либо как дочь богатых, но безродных родителей. Прямо уж редкой красавицей я вроде не являюсь – все портят мои бесовские глаза и волосы, но все же дурнушкой меня не назовешь. Родители мои едва сводят концы с концами, так что второй вариант тоже отмечаем. И потому еще пару часов я ломала голову над тем, как семье Хостена удалось заинтересовать изира моей персоной, но не находила этому объяснения.

3 глава

Часы тянулись бесконечно долго, но к вечеру Марси пришла на конюшню и принесла мне свое красивое декольтированное голубо-лиловое платье в пол на широких бретелях. Она же заплела в косу мои длинные бело-русые волосы. Коса доставала как раз до пояса.

– Завидую я тебе, Сейлин, – пропела Марси, вплетая мне в волосы голубую ленточку. – Вот у тебя коса – так коса. А у меня что? Три волосинки, и те лучше не расчесывать – целее будут.

– Перестань! Не в волосах счастье. И вообще, ты наговариваешь на себя, – я собиралась обернуться, но Марси жестко зафиксировала мою голову прямо.

– Не вертись! – приказала она, а затем мягче добавила. – Овца ты, Сейлин. Будь у меня такая коса, может, и я бы вышла за изира.

– Ты его хоть видела? Изира Текарая?

– Нет.

– Ты знаешь, какой он человек? Ну, хоть что-то?

– Знаю только, что его жена недавно умерла, и он решил жениться еще раз.

– Интересно, как он выглядит?

– А тебе не все равно?

– Вообще-то, нет, – резонно ответила я. – Вдруг он совсем старый?

– Тогда еще лучше. Скоро помрет, и ты станешь молодой вдовствующей изирой.

– Знаешь, я как-то не об этом мечтала.

– Знаю, – бьюсь об заклад, Марси сейчас закатила глаза. – Ты мечтаешь летать на драконе. Но, Сейлин, ты уже не ребенок и должна понимать, что возможно, а что нет. Ты изирой станешь. Это кому еще в нашей деревне такая радость выпадала? Все ведешь себя как дурочка.

– Марси, не говори мне, что я должна, – не сдержалась я. – Я с рождения только и слышу, какая я...

Не могу произнести. Марси едва успела подцепить мою длинную косу лентой, как я вскочила и, подобрав подол юбки, побежала домой. Не ожидала нравучений от лучшей подруги. Марси никогда так со мной не разговаривала. Она была моей единственной поддержкой здесь. Неужели отныне не осталось никого, кто хоть попытается меня понять? Но если все вокруг говорят, что со мной что-то не так, может быть, они правы?

Первое, что бросилось в глаза – стоящая около нашего скромного дома богатая деревянная с резными узорами повозка. В нее были запряжены две черные лошади с изогнутыми дугой тонкими шеями. Я никогда прежде не видела таких красивых лошадей. Что ж, человек, которому они принадлежали, бедным быть никак не мог. Одна роскошная красная бархатная упряжь этих лошадей чего стоила.

Я вошла в дом. Мама и папа сидели за богато накрытым столом вместе с двумя гостями, лиц которых я не видела, так как те находились ко мне спиной. На столе лежали два запеченных гуся и разделанный поросенок. Родители совсем сошли с ума, раз зарезали двух из шести наших птиц и одного-единственного поросенка. Они хотят произвести хорошее впечатление на моего будущего мужа. Если все удастся, то поросятами да гусятами они будут обеспечены до скончания века. Только почему я чувствую себя кобылой на торгах?

– А вот и она! – мама показательно радушно раскинула руки.

Бьюсь об заклад, она моему рождению радовалась меньше, чем сейчас.

– Дорогая, мы заждались! Иди скорее за стол, – с обходительностью палача произнесла она.

Дорогая? К чему все это? Я же вижу, как подрагивают в растянутой улыбке ее губы, как сильно папа сжал при моем появлении вилку. Да и в последний раз они не были особо любезны.

Вдохнула и задержала дыхание. Больно. Меня просто хотят продать. И все же я села за стол. Аромат горячего жареного мяса привлек мое внимание. Как же я хочу есть. О, они запекли Хрюкина с первыми весенними яблоками. Наверное, вкусно. Не буду есть Хрюкина, маленький поросенок не заслужил быть убитым ради пафоса.

Только теперь я осторожно осмотрела гостей. Прямо напротив меня сидел мужчина лет сорока пяти с забранными в хвост каштановыми с проседью волосами. Жесткие, властные черты лица. Тонкие, обрамленные аккуратными короткими и узкими усами и бородой губы. Острый, с легкой горбинкой нос. Небольшие карие, с прищуром глаза и густые темные брови. Поймав мой взгляд, он как-то неприятно улыбнулся, от чего мне стало не по себе, и я невольно отвела глаза.

Слева от моего будущего мужа сидела женщина лет на двадцать старше изира. Все это время она пристально рассматривала меня, но молчала. Тяжелый взгляд ее ледяных глаз стоически игнорировала.

– Сейлиндейл, меня зовут Текарай Страйт, – вдруг заговорил изир. – Мне говорили, что ты обладаешь особенной красотой и весьма строптивым нравом. Что ж, это мне по душе. Люблю горячих женщин. И теперь я вижу, что твои глаза действительно способны околдовывать.

Мне стало неудобно. Почему этот человек, который годится мне в отцы, если не в деды, говорит обо мне, как о какой-то распутной девке? Он меня даже не знает. И не хочу, чтобы знал. И почему мои родители сидят и одобрительно улыбаются, глотая каждое его слово как с потравы? Почему?.. Да не почему. Просто меня снова продали. В прошлый раз за корову и теленка, а в этот за что? Интересно, за сколько теперь? Собрав всю свою смелость в кучу, я вдохнула, выдохнула и задала откровенный вопрос гостю:

– Изир Текарай, могу я спросить, за сколько вы меня купили?

Мои родители побледнели. От прежней улыбки и следа не осталось. Изир тоже слегка удивился, но, ему ведь по душе строптивные женщины. Хотя, подозреваю, это до первого неудобного вопроса с их стороны.

– Почему же нет? – изир неторопливо раздевал меня взглядом. – Я отдал за тебя двух коров, кобылу и тридцать серебряников. И я надеюсь, ты того стоишь.

Он сально уставился на вырез моего платья. Я обняла себя руками.

– А если не стою? – сухо поинтересовалась я.

– Да перестань, красавица! Не может смазливая девка с такой грудью, с такими шикарными волосами и колдовскими синими глазками не стоить пары голов скота и жалких тридцати серебряников, – изир провел пальцами по усам. – А если твой отец разрешит мне прямо сейчас тебя попробовать, я накину еще тридцать сверху.

Я замерла, впившись ногтями в край стола, и вперилась взглядом в папу. На лбу выступил холодный пот, но меня бросило в жар. Куда бежать? Дальше гор ведь все равно некуда.

– Прошу простить, изир Текарай, но у нас не принято портить невесту до свадьбы, – вполголоса возразил отец. Он избегал моего пристального взгляда.

Прошу простить?! Неужели родители настолько рады этому браку? Им наплевать, что будет со мной? Изир несколько разочарованно вздохнул.

– Ну что ж, я традиции уважаю. Девка мне нравится. А тебе, тетушка Ора?

Старая седая женщина, все это время молча сидевшая рядом, подняла на меня мутно-голубые ведьминские глаза и низким, сиплым голосом негромко ответила:

– Мне бы камни бросить.

Изир откинулся на спинку стула так, что старое дерево заскрипело, и лениво отмахнулся:
– Так иди, бросай. Чего тянуть быка за яйца?

Опираясь руками на стол, женщина медленно поднялась со скамьи и неторопливо пошла к двери.

– Иди за ней, – поторопил меня изир.

Я быстро встала и вышла следом. Компания старой бесовки привлекала меня и то больше.

Я нагнала ее в сенях. Она шла так медленно, шелестя тяжелыми многослойными юбками по полу, что я замялась. Обогнать ее было бы, наверно, невежливо.

Странные нарочито-рваные одежды, густые посеревшие от седины, бывшие черными волосы, на пальцах дорогие крупные перстни – похоже, некоторым бесовкам неплохо платят. А главное – глаза. Бьюсь об заклад, когда-то они были такими же, как мои. Нет ни малейших сомнений – это бесовка. Самая настоящая. Хэо Заступница, не оставь меня, пожалуйста. Будто прочитав мои мысли, женщина обернулась.

– Не бойся, девка. Хочу только судьбу твою глянуть. Ничего дурного я тебе не сделаю.

– А ваш изир? – сорвалось у меня.

Женщина усмехнулась, ничего не ответила и исчезла за дверью. Я в нерешительности остановилась на крыльце дома, прикрыв за собой дверь. Тем временем странная гостья вышла со двора, но быстро вернулась в компании кучера, который нес в руках охапку тонких сухих веток какого-то незнакомого мне красного дерева. У нас такие не растут. Не задавая вопросов, кучер свалил ветки посреди двора и принялся разжигать костер. Удалось ему это довольно скоро, и женщина жестом велела мужчине уйти.

Подойдя к костру, она опустилась на колени, благоразумно кинув под ноги на грязь тряпку, и принялась шептать что-то. Я стояла метрах в пяти от нее и не могла разобрать слов, но, происходящее пугало меня все больше и больше.

Отблески костра и тени плясали на ее бледном морщинистом лице, то зажигая глаза ярким пламенем, то снова погружая их в холодную темноту ночи. Я смотрела на нее, как завожженная, боясь пошевелиться и привлечь внимание. Может быть, я здесь просто как зритель, или она вообще забыла обо мне? Внезапно, не отрывая взгляда от огня, ведьма резко протянула ко мне руку. Я нервно сглотнула, но не двинулась с места. Тогда она отвернулась от пламени и требовательно уставилась на меня. Что делать, я все-таки подошла поближе к ней.

– Дай руку, – приказала она.

– Зачем? – на всякий случай спросила я.

Это начинает пугать меня все больше.

– За надом. Дай руку! – громче повторила та, но видя мое сомнение, с несвойственной пожилым людям прытью сама схватила меня за руку и до того, как я пришла в себя, полоснула по моему пальцу острым лезвием.

Я вскрикнула, но больше от страха и неожиданности, чем от боли. Ведьма отпустила мою руку.

– Не верещи. Всего-то пальчик порезала.

– Зачем вы это сделали?! – я хотела было вытереть окровавленный палец подолом, но вовремя вспомнила, что платье на мне чужое.

– Сейчас белые камни расскажут мне всю твою судьбу, – женщина снова уселась у костра и принялась шептать дальше.

Тут я заметила, как все это время вместе с моей кровью она перемешивала в ладони несколько маленьких белых камушков. Вся ее ладонь была в моей крови, выглядело это жутко, тошнотворно и как-то противоестественно. Я поморщилась. Ведьма все шептала и шептала. Кажется, я вообще не знаю этих слов. Наверно, это какое-то заклинание.

– Яграма хен са! – вдруг прокричала она и швырнула камни в догорающий костер. В воздух тут же взвились тысячи искр, и я отпрянула, чтобы не обжечься.

– Ми кан дар. Ми кан дар, – снова и снова взывала она, протягивая к пламени руки.

Чего ждет от костра это ненормальная? Что вообще здесь происходит? Каким образом она собирается увидеть мою судьбу в костре? Вдруг он не в духе и не станет сегодня разговаривать? Да что за бред? Столько вопросов, и ни одного адекватного ответа.

– Ми кан дар! Ми кан дар эсхо!

Вдруг пламя вспыхнуло и снова взметнулось в небо миллиардами огненных искр. Но в этот раз костер и не думал угасать. В раскаленном воздухе среди пламени и дыма внезапно возник образ разъяренного дракона! Клянусь именем Пречистой, это была здоровенная драконья морда! От неожиданности я едва не упала. Дракон не был похож ни на Шаккара, ни на других драконов, которых я видела в день смотра. Этот зверь имел два закрученных по спирали рога по длине чуть короче его головы, морду мощную и зубастую, а глаза его пылали огнем и смотрели будто бы прямо на меня! Мне даже показалось, что я слышу его рев, но, возможно, это был лишь треск пламени или вой ветра. Я не знаю... Я уже ничего не понимаю.

– Дара каа хар! Вальзаар! – закричала женщина, и дракон ответит ей новой вспышкой пламени и ревом. Теперь я точно слышала рев, подобный раскату грома.

– Пропади, демон! Дара каа хар бас!

Вспышка молнии! Я упала на землю, закрыв голову руками.

– Сейлин... – бархатным раскатом прозвучало в воздухе.

Кто это? Кто звал меня? Что это за бесовщина?!

– Сейлин... – едва различимо повторил кто-то.

Я поднялась на ноги. Где-то в глубине души я не испытывала страха, скорее благоговейный трепет.

– Кто здесь?

Вдруг ведьма вылила на костер ведро воды, окатив заодно и мои ноги. Я подпрыгнула, заорав от испуга, а дракон исчез вместе с пламенем.

Пока я дикими глазами буравила дымящиеся головешки, ведьма развернулась и медленно побрела обратно к дому.

– Что это было?! – меня будто прорвало. – Откуда там взялся дракон?! Что все это значит?!

– Не верещи, – раздраженно бросила женщина.

– Расскажите мне, что это было! – потребовала я, но сразу же добавила несколько мягче. – Пожалуйста. Мне нужно знать.

Ведьма тем временем остановилась и посмотрела на меня как-то задумчиво и отстраненно.

– Прошу...

– Идем-ка, прогуляемся.

Она направилась к калитке, я поспешила за ней. Выйдя со двора, женщина неторопливо пошла в темноту, в сторону высившейся горной громадины. Перепрыгнув через лужу, я нагнала ее.

– Прошу вас, расскажите мне хоть что-нибудь.

– Видишь Гору? – указала она вперед богато украшенным костистым пальцем.

– Ну, вижу. Я каждый день ее вижу.

– А знаешь ли ты, что за ней?

– Ардалийские земли. К чему все эти вопросы?

– Если я скажу тебе, что ты не станешь женой изира, но ты никогда не должна ходить за Гору, ты клянешься, что слушаешь меня?

Я не понимала ее, хотя услышав, что не выйду за этого старого озабоченного типа, легкие мои будто распрямились, и мне стало легче дышать.

– Ты никогда не должна покидать Гору, поняла меня? – требовательно повторила ведьма.

– Нет, я вас не понимаю. Почему не должна?

– Потому что тогда произойдет большое горе, – хмуро ответила женщина. – Это очень важно. Подумай, прежде чем отвечать.

– Теперь я совсем запуталась. Какое горе? Как я вообще могу попасть за Гору? Это же возможно только на драконе.

Ведьма снисходительно усмехнулась, но тут же сделала вид, что ее усмешка ничего не значила. Но было уже поздно. Я заметила.

– Прошу вас, – я схватила ее серую руку. – Скажите мне, как еще можно попасть за Гору? Вы меня не знаете. Я вам клянусь, что из-за меня не случится никакого горе. Но мне очень нужно знать! Я чувствую, что моя судьба не здесь. Я каждый день просыпаюсь с надеждой, но ничего не происходит. Но это неправильно. Я это знаю. Мое место не здесь...

– Нельзя, пойми ты! – она одарила меня равнодушным взглядом, грубо оттолкнула с дороги и, как могла, быстро поковыляла через грязь в сторону нашей калитки.

Я не могу это так оставить. Впервые за последние годы в моей жизни произошло что-то по-настоящему значимое. Чтоб я сдохла, это старая бесовка так легко от меня не отделается!

– Скажите хотя бы, кто звал меня?!

Она обернулась. Ее бледное, худое лицо вытянулось, сухая со старческими пятнами кожа натянулась так, что казалось, будто сейчас треснет, а тонкие губы задрожали. В мутных глазах блеснуло что-то темное и зловещее. Она широко улыбнулась, но эта улыбка испугала меня еще больше.

– Что?.. Скажите что-нибудь?

Но ведьма отвернулась и молча скрылась за дверью калитки нашего двора, а я осталась на улице. Я не знала, что думать, не знала, что делать. Я, черт побери, ничего уже не понимаю!

Под Горой совсем стемнело. Единственным источником света здесь были отнюдь не луна и звезды, а факелы, горящие во дворах домов и кое-где на улице у каменных заборов. Стало прохладно, и я поежилась. Волосы на руках встали дыбом, мурашки побежали по всему телу, и я обхватила себя руками. Тоненькое платье Марси совершенно не согревало меня.

В дом идти не хотелось. На конюшню тоже. Я так сильно хотела понять, что видела эта старая ведьма, понять, почему я не должна ходить за Гору, и как это вообще возможно – попасть туда не по воздуху, но единственный человек, кто знал ответы на все вопросы, не желал со мной разговаривать и пугал до заикания.

Порыв холодного, сырого, с примесью тухлятины ветра подхлестнул меня, точно ивовый прут. Бросив боязливый взгляд на зияющую черную дыру пещеры в горе, я поспешила во двор, забралась под окно кухни и прислушалась, о чем говорят в доме.

В воздухе все еще витал легкий аромат сырости, приправленный толикой гнили и разлагающейся плоти. Только ветер с Гнилого болота может так дурно пахнуть. Похоже, птица забрела и сдохла, хотя вход в пещеру давно забили досками, чтобы туда случайно не забрел скот, или еще хуже, не забежали дети. Гнилое болото на то и гнилое, что в нем пропадало все живое. А старики вообще говорили, что на болоте живут бесы, которые либо заташат тебя на дно, либо обрушат на голову камни.

Никто не знал, почему эта пещера появилась, как давно, и что там на самом деле творилось. Но лет десять назад там пропал мальчик, который на спор с друзьями обещал сорвать в пещере веточку болотного папоротника. Когда мальчик не вернулся ни через час, ни через два, его друзья позвали взрослых. Но все, что тогда смогли найти – это ботинки на трясине и клочок разорванной рубашки. После того случая вход в пещеру завалили всяким хламом и забили досками, а всем детям было строжайше запрещено даже думать о том, чтобы пролезть туда. Да и кому в трезвом уме придет такое в голову? Гнилостный трупный смрад отобьет желание еще на подходе. Хотя, признаюсь, пока я не вспомнила о том, что конюшня в это время года

пустует, и лошади ночуют на полях, ловила себя на мысли спрятаться именно там. Ну, какие, в самом деле, бесы? Вейго туда лазил, и все обошлось.

– Сейлин! Ну как прошло сватовство?

– Да что б тебя!

Марси подкралась ко мне со спины и выпугала до полусмерти. Я шикнула на нее, она понимающе замолчала и присела рядом. Мы обе слушали.

– Меня это не волнует! – вдруг в ярости закричал изир.

– Я уверен, здесь какая-то ошибка! – возмущенный голос папы.

– Наша девочка здорова как лошадь! – вторила ему мама. – Знахарка Несма подтвердит.

У нее только глаза такие и это... волосы. Но это ничего не значит! Совсем ничего!

– Ты чем-то больна? – удивленно прошептала Марси, буравя меня изумленным взглядом.

– Не знаю, – не менее удивленно ответила я. – До этой минуты была здорова.

Что же наплела им эта тетушка Ора?

– Кинь свои камни еще раз, старая ведьма! – снова закричал изир.

– Изир Текарай очень рассержен, – подметила Марси.

– Да неужели? – съязвила я. – Я его понимаю. Девка «с такой грудью» того и гляди уползет из рук.

– Где он там грудь-то увидел? – подколола меня Марси и тут же получила локтем.

– Камни никогда не врут, – раздался спокойный уверенный голос тетушки Оры. – Девка не принесет тебе ни одного сына и даже дочери.

– А я говорю, что наша дочь здорова! – заверещала не своим голосом мама, скамейка со скрипом отъехала. – Она родит господину много здоровых детей!

– Да что за глупости? На кой я взял тебя с собой? В конце концов, я найму лекарей, и все решится! – выпалил изир.

Как я ему понравилась-то!

– Я не сказала, что она больна, – голос ведьмы единственный звучал спокойно. – Девчонка несет печать древнего проклятья. Она не станет ни твоей женой, изир Текарай, ни чьей-либо еще. Ей вообще не стоило рождаться! Одно ее существование противно богине. Разве не должна была она родиться мертвой?

Взгляд ее пугающих, блестящих глаз устремился на маму.

– Ох, Пречистая Хэо, Заступница! – с придыханием прошептала та.

– Не должна она жить. Во имя богини ее надо уничтожить, как уничтожают слизней да мокриц, пока урожай не сгубили. Не смотрите вы на ее мордашку да волосы белые. Душа у ней черная. Не Хэо она служить будет, а Вальзаару.

Кому?

Скамейка снова со скрипом отъехала по шершавому полу. Видимо, мама грузно села.

– Вот говорила мне старая Анда, не рожай...

– Заткнись! – кратко шикнул папа.

– Что? Какое еще проклятье? – испуганно прошептала Марси. – Что несет эта полоумная, Сейлин?

Теперь мне стало намного страшнее, чем тогда, когда она разожгла свой колдовской огонь, и из него явилась голова дракона.

– Марси, да я клянусь, что не знаю!

– Как докажешь все это? – вполголоса произнес изир.

– Да поймите вы! Пока она живет, миру грозит гибель! – ведьма уже перешла на крик. – Почему ты никогда прежде не сомневался в моих словах, изир? Разве обманула я тебя хоть раз?!

– Убить такую красивую девку из-за глупых бредней? – недоумевал изир. – Я человек, хоть и набожный, но верю доказательствам. А где они, тетя Ора? Одни слова. Завтра ты ска-

жешь, что надо убить меня, и я, что, должен себе нож в сердце воткнуть? Я тащился сюда не для того, чтобы уехать с пустыми руками. Девка мне нравится. Я сегодня же увезу ее с собой.

– Мы согласны! – сию секунду поддержал его папа. – Генера, собирай ее вещи!

По удаляющимся семенящим шагам, я поняла, что мама побежала выполнять требование отца.

– Ты совершаешь ошибку, изир Текарай! Если девку не убить, нам всем грозит большая опасность! Не гневи Хэо!

– Да какая опасность? Что ты несешь?

– Пророчество о Проклятом всаднике! Я не знаю, как, но девка приведет его в наш мир.

– Оставь свои сказки!

– Говорю вам, девке суждено пробудить древнее зло!

– Что еще за Проклятый всадник? – спросила я сама себя.

– Да ладно? – Марси удивленно взглянула на меня. – Это же очень старая песня, которой еще наши прабабушки бабушек спать укладывали.

– Оо, не знала.

Мне не пели колыбельных песен.

– Я сама знаю только часть песни, – Марси сосредоточилась:

– Когда прольется кровь с небес —

То Всадник горестный воскрес,

То Хэо по несчастным плачет,

Ведь Всадник на проклятом скачет.

Когда придет голодный мор —

То Всадник вынес приговор.

Он принесет с собой войну,

Отправит армии ко дну,

И тьмой накроет целый свет.

Конец всему. Спасенья нет.

– Ничего себе. Впечатляет, – искренне призналась я.

А, может, оно и к лучшему, что мне пели колыбельных.

– Все равно причем тут я? Я должна разбудить этого всадника? Он спит где-то? Так я не буду вообще никогда и никого будить, всего и делов.

– Девка должна умереть, или умрем мы все! – голос ведьмы уже звучал как мольба. Похоже, она действительно верит в это пророчество.

– Я сказал, что женюсь на ней, и мне наплевать на твои фантазии! Я не за тем взял тебя с собой, ведьма, чтобы ты пугала меня! Все, что от тебя требовалось, узнать, сколько сыновей она мне родит и когда! Мы сейчас же уезжаем, – по комнате раздались быстрые тяжелые шаги.

Мы с Марси отбежали от окна и спрятались за стогом сена в углу двора. Очень вовремя, потому что изир Текарай выглянул из-за двери, окинул взглядом двор и крикнул кучеру:

– Масур! Просыпайся, остолоп! Отправляемся домой.

Я жала кулаки так, что ногти впились в кожу.

– Марси, я с ними не поеду, – сквозь зубы процедила я. – Ни за что я не стану женой этого мерзавца.

– Ну почему мерзавца, Сейлин? – Марси еще не потеряла надежду образумить меня. – Изир Текарай – богатый, уважаемый человек. Ты ему нравишься. Если ты не уедешь с ним, тебя отдадут Риману.

– Не отдадут, – прошептала я.

Идея родилась внезапно. Я ехидно улыбнулась.

– Кому нужна девка без волос?

Марси в сомнении вытаращилась на меня.

– Ты чего задумала? Не смей даже!

– А что мне остается, скажи? У меня много вариантов, что ли? Богатый похотливый старик или пьяная образина Риман. Сама ты кого бы выбрала?

Марси промолчала. Если бы она почувствовала то, что чувствую сейчас я... Если бы ощутила мою боль, мои страх и отчаяние... Тогда вопросов бы не понадобилось. Безусловно, я рада, что у нее любящий и заботливый муж, которого любит она. Рада, что ей так повезло. Хотя неизвестно, как бы сложилась судьба Марси, если бы Хостен попросту не испортил ее в шестнадцать, когда Ингора и Нанар еще только выбирали ей мужа. Деваться было некуда, порченную девку никто в жены не возьмет, вот и сыграли свадьбу. Хитрая Марси. Хостен давно ей нравился, и сейчас она счастлива. Но выдай родители ее за другого, кто знает...

Марси не может меня понять. У нее другие мечты, другие цели и приоритеты. Это нормально. Все мы разные. Кто-то должен доить коров, а кто-то, лежа на диване, указывать пальцем, какую доить первой. Мне не нужны коровы. Я хочу летать на драконе. Но до тех пор, пока меня можно продать, покоя мне не видеть.

Для начала я на свой страх и риск через окно пробралась в комнату Вейго и, порывшись в его вещах, забрала прошлогодние брюки и рубаху. За последний год Вейго сильно вытянулся и окреп физически, так что старая одежда оказалась ему мала, но бережливая мама, конечно, ничего не выбрасывает. И сейчас эта ее черта сыграла мне на руку. Легкие песочного цвета брюки и рубаха с расшитой алыми нитками треугольной горловиной, хоть и совсем не новые, но в пути будут намного практичнее сарафана.

Я быстро переоделась. Непривычно, но удобно. Так же тихо через окно я вылезла во двор.

Прокравшись в хлев, я нащупала в темноте на подоконнике драконье крыло рукоятки ножа Вейго. Я спрятала его тут, и когда родителей не было дома, тренировалась метать в забор. Увидели бы меня за таким непристойным занятием, отобрали бы последнее, что связывает меня с братом.

Выйдя из хлева, я снова подбежала к прячущейся за стогом сена Марси и протянула ей нож.

– Режь, я сама не смогу, – мой голос дрогнул.

Я всегда любила свои длинные густые волосы.

– Ты с ума сошла?! Я не буду! И что вообще на тебе надето?

– Тише, не кричи! – осадил ее. – Не можешь, и не надо. Сама как-нибудь обкорнаю.

С этими словами я схватилась за прядь волос и принялась отпиливать ее где-то на уровне плеч.

Марси скривилась, закрыла глаза рукой, и тут, ожидаемо, сердце ее не выдержало.

– Дай сюда! – она выхватила у меня нож, обошла со спины и начала быстро, но аккуратно отрезать прядь за прядью. – Раз уж ты решила сгубить свою красоту, то я хотя бы помогу тебе не остаться драной кошкой.

Я улыбнулась. Вот для чего нужны друзья. Даже могилу помогут вырыть, если понадобится.

Через пару минут Марси закончила, а я ощутила, насколько легче стала моя голова. В грязи под ногами валялись мои прекрасные отрезанные локоны. Я потрогала рукой оставшиеся волосы. Короткие. Такие непривычно короткие. Я никогда не стригла их. Женщины Линорры дорожат каждым волоском и считаются завидными невестами, ведь роскошная коса говорит о здоровье девушки, о том, что она сможет родить много детей и будет хорошей хозяйкой. Теперь же у иного парня волосы длиннее моих. Хотя, надо отметить, что без косы до пояса шее намного легче.

– Ну? Как? – боязливо поинтересовалась Марси.

Чего она ожидает? Что я расплачусь и начну жалеть о содеянном? Нет уж.

– Легко, – честно ответила я первое, что пришло в голову. – Мне очень легко.

Я резко покачала головой, и мои короткие пушистые волосы приятно разлетелись по лицу.

– Какой кошмар, – закрыв ладонью щеку, простонала Марси.

– Я хочу себя увидеть!

Не опасаясь ничего и никого, я подбежала к корыту с водой и, освещаемая огнем факела, с трепетом взглянула на свое отражение. Увиденное заставило меня широко улыбнуться. Легкими пушистыми волнами мои некогда длиннющие белые косы теперь заканчивались чуть выше плеч и смели зваться не иначе как волосенками.

– Марси! А мне нравится! Мне, правда, нравится!

– Она сошла с ума, – тяжело вздохнула Марси.

– Мне надо собрать в дорогу еды и воды. Ты поможешь?

– Ты уходишь?

– Наивная моя Марси, – я подошла к растерянной подруге и взяла в ладони ее ледяные руки. – Неужели ты думаешь, что после всего этого я смогу оставаться в Линорре?

– И куда ты пойдешь? – на глазах Марси выступили слезы.

– Не знаю. Наверно, в Оргун. Там живет моя тетя Раетта. Она всегда ко мне хорошо относилась и не считала бесовкой.

– Я тоже тебя ей никогда не считала, – укоризненно сказала Марси. – И как ты собираешься добираться туда? Оргун на другом конце долины. Туда больше пяти дней на лошади.

– Ничего, мне спешить некуда, – улыбнулась я. – Так ты поможешь мне с едой? Я не могу зайти в дом.

– Ты, что же, даже не попрощаешься с родителями?

На глазах выступили слезы, я задержала дыхание, чтобы вконец не расплакаться.

– Не думаю, что их обрадует то, что теперь меня не получится выгодно продать.

– Сейлин, ну что ты...

– А как еще это называется, Марси? Как?

– Так заключаются все браки.

– Значит, я останусь в девках.

Марси ничего не ответила, лишь грустно смотрела куда-то под ноги. Помнится, мы с ней мечтали совсем о другом. О том, что будем соседями, будем вместе растить детей, а наши мужья, достойные и уважаемые люди, будут друзьями, как и мы, и никогда не разлучат нас. Но то были детские мечты. А теперь я убегаю в ночи, будто совершила что-то преступное и заслуживающее кары.

– Я буду ждать тебя у пещеры через час. Хорошо?

– Почему у пещеры? – робко поинтересовалась Марси.

– Потому что сейчас меня начнут искать, а туда точно никто не пойдет.

– Давай на конюшне, там безопаснее.

Марси выглядела всерьез испуганной. Настолько, что мне стало забавно.

– Неужели ты – та, что вместе со мной по ночам кидала яйца в окна учителя Прауса, веришь в бесов?

– Сравнила, тоже мне, учителя Прауса и бесов! – нахмурила брови Марси.

– А что? – усмехнулась я. – Как по мне, так похож.

– Не до смеха сейчас, Сейлин, – нахмурилась она. – Пропавшего мальчика, Лиспена Грайна, так и не нашли.

– Мальчик упал в болото и утонул. Как его могли найти? И вообще, я не собираюсь лезть за завал. А даже если бы и полезла, Гнилое болото начинается где-то в глубине пещеры, а не с самого ее начала. Со мной ничего не случится. Ты же слышала старую ведьму? На мне проклятье, я обрушу гибель на весь людской род. А значит, точно не утону в болоте сегодня.

– Не шути такими вещами, глупая! – Марси боязливо огляделась, точно кто-то в темноте только и ждал момента, как бы наказать ее за непочтительное отношение к бесам и проклятьям.

– Ой, Марси, не маленькая уже, а все в сказки веришь.

Внезапно по меняющемуся лицу Марси я поняла, что за моей спиной кто-то есть. Я стояла спиной к дому, а Марси боком. Я никого не видела.

Ведьма появилась, словно из воздуха. Я слишком поздно увидела занесенную надо мной руку, и то, как блеснуло в свете факела лезвие ножа.

– Умри, проклятая!

Что?.. Я не успела испугаться, как Марси оттолкнула меня в сторону, а затем упала на колени, схватившись руками за шею с торчащим в ней ножом. Я заорала так, как не орала еще никогда. Марси повалилась на землю, загребая одной рукой грязь, другой сжимая рукоять ножа. Я упала рядом с ней.

– Марси... – дрожащими губами прошептала я.

Марси до боли впила ногти в мою руку. Ее глаза были выпучены, ресницы дергались, а губы напряженно хватали воздух. Как же ей было страшно!

К запаху тухлого болота примешался запах крови. Так много крови. Откуда столько крови?! Марси... Что же мне делать?! Марси трясло так, будто ее облили водой на морозе, и дрожь эта передавалась мне.

– Живи! Ты не смеешь умирать! Слышишь меня, овца?! Тебе нельзя умирать! Я умоляю тебя... Не надо...

Я прижала ее к себе. Марси умирает... Умирает, чтоб ее! А я ничего не могу сделать! Ничего, чтоб меня бесы разорвали! Хэо, помоги же! Я верю, что ты есть, что ты добрая. Что ты любишь, а не караешь. Ты нужна сейчас! Спаси ее. Пожалуйста...

– Марси...

Слезы застилают мне глаза, я вижу лишь силуэт ее лица.

– Помогите!! Кто-нибудь!!

Марси пыталась прошептать что-то, но не успела. Я видела, как она сделала последний судорожный вдох, как ее ресницы перестали дрожать, и глаза навеки замерли, глядя в небо. Небо, в котором даже звезд нет. Что она видела в этой жизни? Ничего! Даже звезд не видела.

Все это время ведьма стояла рядом и смотрела на нас. Молча и безучастно.

– Зачем ты это сделала, тварь?! – давясь слезами, закричала я.

Ведьма не ответила. Она просто растерянно смотрела на нас.

Марси не хотела умирать. У нее были планы и мечты. В следующем месяце они всей семьей собирались в Оргун к родственникам Хостена. Марси мне все уши прожужжала, как будет выбирать там, на ярмарке, новое платье. Она и мне хотела какую-нибудь безделушку привезти.

Марси просто пыталась оттолкнуть ведьму, но случилось это...

– Что тут произошло?

На пороге стояли мои родители и изир Текарай. Все они от удивления пораскрывали рты.

– Это... что такое? – дрожащим голосом спросила мама, с ужасом глядя на лежащее на моих руках тело Марси.

– Сейлин?... – выдавил папа, выпучив глаза.

– Я... Марси умерла, – пропищала я.

– Видите? Я говорила вам, – ведьма не удержалась, чтобы не подлить масла в огонь. – Девка уже не в себе. Говорю же, она приведет в этот мир Проклятого всадника! Вальзаар направил ее руку!

– Что здесь случилось?! – прогремел на весь двор изир.

– Я вышла во двор, девка резала волосы. Ее подруга хотела помешать, но она ударила бедняжку ножом. Я видела это!

– Я... это не я, – дрожащими губами пролепетала я, еще крепче обняв бездыханную Марси. – Это она. Ведьма...

– Это... нож Вейго? – мама с ужасом закрыла лицо руками.

Я бросила растерянный взгляд на рукоять, торчавшую из шеи моей мертвой подруги.

– Как ты могла, Сейлин...

– Мама, я не вру. Это не я. Почему ты мне не веришь?..

– Девку надо убить, – прошипела ведьма, гневно тыча в мою сторону кривым пальцем. –

Это воля Хэо!

Мои родители стояли белые как смерть. Мама медленно осела на крыльцо, папа бросился приводить ее в чувства. Я навсегда запомню их убитые горем лица и эти взгляды. О, Хэо, они верят, что я – убийца. Я вижу боль и смертельное разочарование в их глазах.

– Зовите стражников, – сухо приказал изир.

Я знаю, что мне никто не поверит. Я – сошедшая с ума, противная всему живому бесовка. Меня бросят в темницу и, скорее всего, казнят. У меня нет выбора.

– Прости меня, Марси, – шепчу. – Я клянусь, что отомщу за тебя.

Аккуратно опустив обмякшее тело Марси на землю, я зажмурилась, резким движением выдернула нож из ее шеи и бросилась прочь со двора.

– Держите ее! – закричал изир. – Привести ко мне живой!

Едва выскочив из калитки, я угодила в руки кучера.

– Отпусти!! – заорала я, извиваясь всем телом.

Удар о карету. В ушах зазвенело, я проваливаюсь в черноту...

4 глава

Я очнулась от удара. Что происходит? Как горит лицо. Зажмурившись от света, пытаюсь отвернуться, но кто-то больно хватает меня за лицо и заставляет держать голову прямо.

– Сейлиндейл Мар, – требовательно позвал меня громкий басистый голос. – Зачем ты убила Марси Гарн?

Взгляд кое-как сконцентрировался на вопрошающем. Я не знаю этого человека. Никогда его не видела. Полный, лысеющий седой мужчина лет пятидесяти. Мне не нравятся его глаза. Они такие же равнодушные и безжизненные, как Гора.

Я, что, привязана? Пытаюсь оглядеться. Я привязана за руки к двум столбам в центре площади. Той самой, где когда-то проходил смотр мальчиков. Лобное место. А вокруг толпа. Это все жители нашей деревни. Все смотрят на меня с ужасом, презрением, осуждением, ненавистью... Да что происходит? Мама? Папа? Я не нахожу их в толпе. Где вы?

– Отвечай на вопрос, бесовка! – он надменно поднял голову, а тонкие губы его машинально сжались.

– Не смей молчать, когда к тебе обращается сам судья Зирах! – едва ли не в ухо прокричал мне скрипучий, как ржавые рессоры, голос. Я зажмурилась и отвернулась, но сбежать было некуда. Мама? Папа? Почему я вас не вижу? Помогите...

– Отвечай!! – снова заорал он, и я наконец увидела прыщавое лицо, отнюдь не подростка, а взрослого мужчины. Одет он был вычурно, с какими-то драными перьями воротник картапа.

– Не спеши, советник Хиям, – великодушно произнес судья. – Ты же видишь, у бесовки язык отнялся. Надо бы проверить, вдруг она откусила его, дабы не раскрывать нам своего зловредного плана.

– Позвольте проверить, Ваша честь!

Тот благосклонно взмахнул рукой. Что они собираются делать?! Я дернулась, но крепкие веревки лишь сильнее сжали мои израненные запястья. С омерзительной улыбкой этот прыщавый урод своими кривыми пальцами схватил меня за лицо и полез в рот. Не сдержавшись, я с силой сомкнула зубы. Тот заорал и отпрянул, тряся укушенную руку.

– Ах ты, шваль! – разобрала я сквозь шипенье.

Удар наотмашь! Щека запылала. Если бы я не успела отвернуться, он бы сломал мне нос.

– Полно, советник!

Краем глаза вижу, как советник с искаженным негодованием лицом опустил вновь занесенную для удара руку.

– Если не начнешь говорить, бесовка, нам придется прибегнуть к пыткам, – равнодушно продолжал судья.

– Я не бесовка, – вполголоса сказала я и, бросив взгляд в толпу, добавила громче: – Вы все это знаете!

– Почему ты убила эту несчастную девочку? – судья медленно подходил ко мне, чеканя шаг. – Она ведь была твоей подругой.

– Я не убивала Марси! – прокричала я.

– Глупо отрицать это, – судья встал в метре от меня.

Как же от него разило духами и потом!

– Тебя застали с ножом в руках. Нож принадлежит тебе. Есть свидетельница, которая видела все.

– Она врет!

– Советник Хиям, пригласите сюда свидетеля.

Мой взор выцепил движение в толпе. В круг вышли изир Текарай и его проклятая ведьма.

– Изир Текарай, можете ли вы ручаться за слова своей наперсницы?

– Всецело, Ваша честь. Тетушка Ора пользуется большим уважением в Тинбарре. Ее словам вы можете доверять.

Да что же это за бред? Как такое вообще возможно? Почему меня судят за поступок, который я не совершала?

Тем временем, загребая пыль длинными юбками, ведьма вальяжно выступила вперед.

– Я видела все вот этими глазами! – пафосно обратилась она к толпе тех, с кем я здоровалась каждое утро, с чьими детьми играла в прятки, кому помогала донести тяжелые ведра до калитки. Толпе, которая теперь смотрела на меня глазами зверей, но не соседей. – Я много лет верно служу господину, лечу больных в Тинбарре и помогаю роженицам. Господин взял меня с собой, чтобы я увидела, сколько сыновей принесет ему эта несчастная. Его, как и всех вас, обмануло ее красивое невинное личико! Но Пречистая Хэо благословила меня даром видеть истинное зло! Запомните, люди, самое страшное зло всегда таится там, где не ждешь. Разве не видите вы ее бесовские глаза? Разве не видите волосы, белые, как кожа мертвеца?

Да что она городит, эта ведьма?! Они все слушают ее? Они внимают ей, качают головами, явно припоминая, мои бесовские проделки. Но это же ложь! Я никогда никому ничего плохого не делала!

Наконец судья прервал ее тираду.

– Прошу, ближе к сути! Что именно вы видели прошлым вечером?

– Да, Ваша честь, – как смиренно эта тварь склонилась в легком поклоне. – Я вышла с девкой бросить камни в костер... ну чтобы увидеть, сколько сыновей она принесет господину. Но вместо нашей Заступницы мне явился проклятый Вальзаар!

По площади прокатились вскрики и причитания.

– Он пометил ее! Девка – рабыня демона! Он вселился в нее и велел пролить невинную кровь! Кровь той, которая доверяла ей, матери грудного дитя и верной жены!

Случайный взгляд находит багровеющее лицо Хостена. Вдруг он расталкивает толпу и, оскалившись в страшной, искаженной болью гримасе, протягивает руки и бросается ко мне.

– Стража! – крик судьи.

Хостена отбрасывают назад на толпу.

– Смерть бесовке! – кричит кто-то.

Злоба в толпе нарастает как снежный ком.

– Стража! – снова прокричал судья.

Стражники быстро оцепили лобное место в кольцо, отпихивая назад тех, кто особенно явно жаждал моей крови. Я закрыла глаза. Не могу видеть все это...

– Если вы не прекратите безобразие, я прикажу очистить площадь! А всех недовольных отправлю в камеры охладить пыл! Суд еще не вынес решение, как поступить с девкой!

– Дайте ее нам! – заорал кто-то в толпе.

Ублюдок Риман ухмыляется со своими дружками. Судья проигнорировал его выходку.

– Продолжайте! – сурово приказал он ведьме Оре. – Как именно все произошло?

– После того, как в священном пламени я увидела знак демона, я ушла думать, что делать, как защитить мир от этой бестии. Тогда уже девка была не в себе. Она обкорнала волосы, чтобы не выходить замуж за моего господина. Ну, явно же умом помешалась! Как не выйти за такого человека?! – продолжила она играть на публику. – Подружка хотела, видимо, помешать ей. Случилась драка, и вот в этот момент я вышла во двор. Сейлиндейл вонзила нож в шею бедной девочки. Я до сих пор не могу забыть ее жестокий, такой... хищный взгляд в этот момент...

– Это ложь! Она все врет! Я не убивала Марси! Клянусь именем Пречистой, я ее не убивала! Это сделала она, эта ведьма! Она все врет вам!

Но мой голос утонул в гуле толпы.

– Мы услышали достаточно, – ровно произнес судья. – Изир Текарай, вы видели нож в руках обвиняемой?

– Да, Ваша честь.

– Вы видели, как она зарезала им Марси Гарн?

– Нет, я видел только то, как несчастная скончалась у нее на руках, захлебываясь своей кровью.

Толпа снова заревела, стражники плотнее оцепили лобное место.

– Несчастные родители обвиняемой находятся в таком ужасном состоянии, что по понятным причинам не могут давать показаний. От себя прошу вас не судить их за грехи дочери. Как мы слышали со слов свидетеля – и нам нет оснований не доверять им – рукой обвиняемой повелевал сам демон Преисподней. В таком случае родители не в ответе за грехи своих детей.

Судья подошел ко мне так близко, что я почувствовала вонь из его рта. Я попятилась, но веревки не пустили меня дальше, чем на шаг.

– Мы достаточно слышали, Сейлиндейл. Признай свою вину, и твоя смерть будет быстрой. Продолжишь упрямиться, будет только хуже. Поверь, я не люблю мучить людей.

– Но я не виновата, – прошептала я и, не сдержавшись, заплакала. – Я любила Марси. Она была моей подружкой. Единственной. Как я могла убить ее? Я не ведьма. Я не одержима. Поверьте мне, пожалуйста...

Судья безучастно вздохнул, точно из-за меня он опаздывает к обеду.

– Будь по-твоему. Советник, исполняйте.

– Слушаюсь, Ваша честь.

Его рот искривился довольной улыбкой. Бросив на меня плотоядный взгляд, советник зашел мне за спину.

– Что вы собираетесь делать со мной?

Никто не ответил. Почему? Почему это происходит со мной? Чем я провинилась перед тобой, Хэо? Ведь ты знаешь, что я невиновна! Не оставляй меня, пожалуйста.

Что там делается за моей спиной? Я слышу приближающиеся шаги. Я мечтала, что, как у Вейго, эта площадь станет местом моего возвышения, моей славы. А становится местом позора. Местом моей казни... наверное. Неужели я сегодня умру здесь? Нет. Это невозможно. Так нельзя! Я отказываюсь умирать!

Воздух разорвал свист, а через миг мою спину пронзила такая боль, что крик сорвался с губ жалким стоном. Снова свист. Я заорала. Я никогда не чувствовала прежде такой боли. Она разрывала когтями мою кожу, словно оголодавший зверь добычу. Ноги больше не держали мое тело. Я повисла на веревках, но боли в запястьях уже не было. Все мое тело теперь сжалось от острой обжигающей боли, возникшей от кнута и прокатившейся, казалось, даже по волосам.

Удар! Тело мое изогнулось от судороги. Я не могу больше!

– Хватит, прошу вас, – всхлипывая, прошептала я.

Судья лениво поднял руку. Удара не последовало.

– Ты признаешь вину? – спросил он. На лице этого человека не дрогнул ни один мускул, точно людей при нем избивали так же часто, как желали доброго дня.

Толпа. Ждет продолжения представления. Две подружки о чем-то хихикают. Старая баба ругает плачущего ребенка. Тупая, кровожадная толпа. Для них мое истязание – хоть какое-то развлечение среди рутинных деревенских дней. Но теперь им будет, что обсудить за рюмкой. Они смотрят на меня, как свора озверелых собак. А я никогда ничего плохого им не делала. Где мои мама и папа? Почему они не защищают своего ребенка?! Разве такое возможно, Хэо?! За что все здесь ненавидят меня? Я не бесовка! Я не заслужила такого!

– Я не виновна, – процедила я каждое слово.

– Что ж...

– Слышите, я не убивала Марси! За что вы все ненавидите меня?!

– Продолжайте, советник.

– Где мои родители?! Мама!! Папа!! Помогите! Я не виновата! Я...

Кнут оборвал мой голос. В глазах потемнело, и в воздухе замерцали звезды. Звезды... никогда не видела их на небе. Наверно, они так и выглядят. Как красиво... Удар! И мое небо почернело. Звезды пропали. Удар...

– Вставай, шваль поганая.

Открываю глаза и тут же получаю тычок сапогом в живот. Стражник вышел, захлопнув за собой дверь камеры. Обхватив себя руками, я лежу в воде на каменном полу, пытаюсь восстановить дыхание. Сыро, холодно, воняет мочой. Прямо перед носом пробежала крыса. От неожиданности я подскочила, налетела спиной на лавку и завyla. Спину точно кипятком обожгло.

– Мне грустно видеть тебя в таком состоянии, Сейлиндейл.

Поднимаю глаза. У двери в камере стоял изир Текарай. Такой чистый, наутюженный, даже тюремная вонь не перебивала аромат его духов.

– Все могло быть иначе. Мне жаль, что дошло до этого.

– Я не убивала Марси.

– Мне совершенно наплевать на эту твою Марси. Но тебя следовало проучить за непослушание.

– Вот как?

– Завтра утром тебя повесят.

– И вы пришли сообщить мне эту хорошую новость?

– Я пришел, потому что хочу помочь тебе, – изир сделал несколько шагов в мою сторону.

– О, вы уже помогли, – я обвила рукой грязную комнатушку с решеткой во всю стену.

– Я подкупил стражу. Я вывезу тебя отсюда этой ночью. Вот, переоденься, – он швырнул на лавку штаны и рубаху.

– Неужели вы все еще хотите жениться на мне, изир? – я не сдержала скептическую усмешку.

– Ну что ты, конечно нет. Ты станешь моей служанкой. И любовницей. Буду иметь тебя, когда захочу и как захочу. А ты будешь покорно смотреть мне в глаза и целовать ноги за оказанную милость.

Так вот, значит, какой выбор дает мне судьба.

– А вот эту штуку я, пожалуй, отдам конюху соскребать дерьмо со своих сапог, – он вынул из кармана нож Вейго.

Рукоятку в виде драконьего крыла я ни с чем не перепутаю.

– Переодевайся, мне осточертела эта вонь, – поморщился изир, засовывая нож обратно за пазуху.

Я молча поднялась на ноги. Отворачиваться он не собирается. Я сглотнула подступивший ком, отвернулась и стянула с себя разорванную кнутом рубаху брата, чтобы надеть на грязное, в запекшейся крови, тело чистую. Как же больно было, когда ткань обтянула изрезанную кнутом спину. Сцепив зубы, поменяла штаны, подвязала рубаху поясом и обернулась к изиру.

– Не представляю, как поеду с тобой до самого Оргуна, – закатил он глаза. – Надо бы помыть тебя хотя бы в озере.

Мы вышли из камеры, прошли узким тюремным коридором с парой тускло освещавших его настенных факелов. Миновали нескольких стражников, которые не придали нашему появлению никакого внимания, затем вышли на улицу. На деревню уже опустились сумерки, и сельчане зажгли в домах свечи, а на улицах факелы.

Выйдя из переулка, в котором находилась тюрьма, Изир Текарай боязливо огляделся.

– Быстро идем, чтоб тебя никто не заметил. Хорошо, что сейчас по улицам шатается одна бухая шелупонь.

Он схватил меня за стертую веревкой запястье и с силой дернул вперед, я зашипела от боли. Голова закружилась, спина полыхала, и каждое движение отзывалось такой болью, что мне казалось, вот еще шаг – и я упаду.

– Скорей бы уже оказаться в Оргуне, – причитал изир, таща меня за собой. – Какая же это помойка, ваша Линорра. И люди здесь такие же грязные и вонючие. В жизни столько навоза не видел.

В глазах двоится. Приди в себя, Сейлин. Нельзя упустить момент. Камень... не дотянуться.

– Никогда больше сюда не поеду. Знал бы, и в этот раз бы отказался.

Ведро, колесо от телеги, бутылка на телеге. Успею ли достать?

– Мне определенно надо расслабиться. Сейчас сядем в карету, сделаешь мне приятное.

– О, я сделаю тебе приятное. Прямо сейчас.

Он обернулся, явно не расслышав. Со всего размаху бью его по голове пустой бутылкой. Бутылка вдребезги! Изир падает на землю и хватается за окровавленное лицо. Быстро сую руку ему в карман и вытаскиваю нож брата. Теперь бежать!

– На помощь! – хрипло закричал изир.

Скорее, пока сюда не сбежалось пол деревни! И я бросилась в первый попавшийся проулок, пробежала до пустых бочек и спряталась, пропустив бредущих куда-то сельчан. Дальше бежать! Но куда? Плевать, главное не останавливаться. Главное подальше. Не знаю как, но ноги сами привели меня к дому родителей. Но я не могу войти туда. Отныне у меня нет дома.

5 глава

Я бежала, поскользываясь на размытой дождем земле. Бежала изо всех сил. Через боль. Через не могу. Обвиненная в убийстве единственной подруги. Несостоявшаяся невеста и жена, несостоявшаяся мать. С каждым шагом я удалялась от того, к чему меня готовили с рождения, к чему я готовилась сама, чего в тайне ждала и надеялась – от любви и семьи. От уважения и почета. Я бежала от родителей, с каждым шагом осознавая, что умираю для них, что теряю их навсегда. Хотя разве я уже не потеряла их тогда, когда увидела себя в их глазах в грязи с залитой кровью Марси на руках?

Я бежала и плакала, и слезы мои набегу разлетались по щекам. Так вот, значит, как сжигают за собой мосты... Я больше не вернусь домой. Я бы обязательно вернулась через год или два, если бы смогла по-человечески проститься. Но я убегаю позорно, как побитая собака. Убегаю как трусиха.

Марси погибла не от моей руки, но из-за меня. И мне всю жизнь будет за это стыдно.

Добежав до завала в пещеру, я остановилась и, опершись рукой на огромный камень, наконец, перевела дух и обернулась назад. Моего дома отсюда видно не было, вокруг стояла крошечная тьма. Из пещеры сквозило омерзительным, тяжелым смрадом. Да я не сунусь туда даже под страхом смерти!

– Сейлин! – раздалось метрах в ста за деревьями. – Бесполезно прятаться! Я все равно тебя найду!

Это голос изира Текарая. Что же он собирается сделать со мной, раз так остервенело ищет. Остается лишь одно – он все-таки внял совету своей ручной бесовки.

Здесь небезопасно. Еще немного, и он может увидеть меня. Погорячилась я со страхом смерти. Затаив дыхание, я шагнула в тень между хламом, заваливающим вход в пещеру и каменной стеной, но замерла, так и не решившись полностью войти внутрь. А что, если этот мальчик, правда, погиб не сам? Да нет, бесов не существует. Это же безумие. Все бесы остались снаружи. А если они и есть, то явно не ожидают увидеть девку с отрезанными по плечи волосами в испачканной кровью мужской одежде. Такую, как я, они даже трогать побрезгуют.

Хуже уже некуда. Ох, зря я это... В прошлый раз тоже думала, что хуже некуда, и вот результат. Но выбор у меня не большой – или в руки стражников с изиром и на плаху, или пещера с нечистью. Недолго думая, я прошмыгнула в щель, но остановилась сразу у входа. Крошечная немая тьма не просто напугала меня, она меня парализовала, взъерошила все волосы на теле и заставила мое сердце биться как никогда быстро. Но все же тихо, чтобы бесы не услышали.

Я стояла и боялась даже дышать. Меня охватил какой-то первобытный ужас. Надо успокоиться. Возьми себя в руки, Сейлин. Живых надо бояться, а не мертвых! Глупости все эти проклятья и пророчества. А я просто глупая девка, променявшая богатую жизнь изиры на несбыточную мечту стать всадником дракона в Королевской Военной Академии.

Неужели я всерьез верю, что меня пустят даже на порог, не то, что зачислят в курсанты? Верю, Пречистая Хэо, я верю! Марси умерла за меня, и я не смею прожить эту жизнь напрасно. От нахлынувших эмоций я вновь расплакалась.

Прошло уже минут десять, но на меня все никто не бросался. Наверно, бесы тоже люди, и им стало, то ли жаль меня, то ли решили, что много чести вообще обращать на меня, замарашку, внимания. Не знаю. Неважно. Я сползла по каменной стене пещеры и не помню как, заснула.

– Сейлин, просыпайся! Хватит спать!

Я открыла глаза. В пещере было сумрачно, но откуда-то издали сквозь камни проникал луч солнца. Он отражался от водной глади и блестящих вкраплений в стенах и освещал пещеру неярким, но все же светом.

Передо мной стоял бледный мальчик лет десяти. Он выглядел очень усталым, точно несколько дней не спал. Его впалые глаза окружали темно-синие мешки, тонкие серые губы потрескались, будто он страдал от болезней и жажды. Его одежда была старой и поношенной, а ноги босыми и грязными. Светлые волосы не расчесывались очень давно, а водянисто-серые, как два мутных стеклышка, глаза смотрели равнодушно и как-то совсем не по-детски.

– Хватит спать, тебе пора просыпаться, – озадаченно повторил мальчик, глядя на меня.

– Я надолго уснула? – я поднялась на ноги.

– Ты проспала всю ночь, – ответил ребенок. – Ты разве не знаешь, что в пещеру ходить опасно?

– Знаю, но мне пришлось придти сюда.

– Это из-за того, что твоя одежда испачкана кровью?

– Наверно...

С удивлением осознаю, что спина больше не болит.

– От кого ты прячешься?

– От всех, – грустно ответила я, потупив взгляд.

– Это печально, – выражение лица мальчика стало понимающе сочувствующим.

– А ты что здесь делаешь? Тебе здесь находиться еще опаснее, чем мне.

– Почему? – без тени эмоций спросил он.

– Потому что ты маленький, а я уже взрослая.

– И поэтому ты прячешься в пещере? – все с тем же равнодушным лицом заметил мальчик.

– Как тебя зовут, остряк? – я сложила руки на груди и одарила ребенка недовольным взглядом.

– Лиспен, – ответил он. – Лиспен Грайн.

– Это не смешно, – еще сильнее нахмурилась я. – Лиспен Грайн умер много лет назад.

– Десять лет и сто девяносто три дня, – спокойно ответил мальчик. – Теперь я живу здесь.

И если не хочешь присоединиться ко мне и тоже здесь жить, тебе надо побыстрее проснуться.

– То есть, я все еще сплю? – удивленно спросила я. – Как такое может быть?

– Это все пещера, – Лиспен говорил без единой эмоции на лице. – Она насыщает живых видения, а мертвым не дает упокоиться и держит здесь.

– То есть, все эти годы ты живешь здесь призраком?

– Да, Сейлин. И ты присоединишься ко мне, если не проснешься. Но пока у тебя еще есть время, и я покажу тебе выход, но пообещай мне кое-что.

– Что?

– Пообещай.

– Обещаю.

– Мои кости ты достать не сможешь, но, пожалуйста, забери у моей мамы ботинки, которые были на мне в тот день, когда я умер. Принеси их мне и брось в болото. Без них мне холодно.

Сердце сжалось. Что такое моя боль в сравнении с болью ребенка, который до скончания века останется приведением в этой проклятой пещере? Он уже смирился, он не кричит и не рыдает. Он лишь просит ботинки, потому что босые ноги мерзнут.

Но мне же опасно выходить отсюда. Наверняка, поиски сбежавшей преступницы в самом разгаре, проверяют каждый куст. Что же делать?

– Я обещаю тебе, Лиспен, – прошептала я.

– Иди за мной, Сейлин, – мальчик пошел к болоту. – Запоминай каждый мой шаг и повторяй его. Одна ошибка, и ты погибнешь. Поняла?

Поняла, конечно, куда же деваться?

– Хорошо, идем.

Внезапно мы оказались у края болота. Лиспен пошел прямо по тухлой, темной воде, и ноги его увязали чуть глубже, чем по щиколотку.

– Иди за мной, – позвал он, обернувшись.

– Я же утону.

– Не утонешь, если сделаешь так, как я скажу. В болоте есть брод. Он очень узкий, так что запомни это: пять шагов вперед, восемь вправо до бревна.

Лиспен отмерил восемь шагов до торчащего из болота гнилого пня. Мне было чертовски страшно, но я пошла за ним.

– Шесть вперед и девять до камней, – считая, продолжал идти мальчик. – Двадцать два вперед. Прыжок – здесь брод обрывается. Теперь прямо до самого конца. И вот – ты у цели.

Мы вдруг оказались на другом берегу болота.

– А потом беги и не оглядывайся. Не оглядывайся, что бы ни происходило за твоей спиной, что бы ты ни услышала. Ты ни за что не должна смотреть назад. Запомнила?

– Пять вперед, восемь вправо... да, я все помню, Лиспен.

– Ошибешься – умрешь, – снова напомнил мальчик.

– Я запомнила и это, – проворчала я. Незачем лишний раз напоминать мне о смерти. – Но что там дальше?

– Там то, чего ты хочешь. Судьба, – загадочно ответил он. – А теперь ты должна проснуться.

– Постой, почему ты мне помогаешь? Почему говоришь со мной?

– Потому что ты избрана, Сейлин. У тебя особая миссия. Так говорили они.

– Кто они? – растерянно спросила я, покрутив головой по сторонам.

Никого рядом не было.

– Пропавшие души. Они говорили, что тебя нельзя выпускать отсюда. Но я им не верю. Они злые!

Мальчик теперь выглядел очень испуганным.

– Просыпайся Сейлин! Они уже рядом! И помни, что ты обещала мне!

Лиспен растворился в воздухе, а мне вдруг стало тяжело дышать. Я упала на колени и схватилась за горло. Я задыхаюсь! Что происходит?!

Внезапно я открыла глаза. Передо мной стояла плотная пелена тумана. Нечем дышать! На последнем издыхании я выползла из пещеры, протиснувшись в щель, и упала на землю лицом к небу. Я жадно вдыхала воздух, тухлый и несвежий, но все же воздух. Мне снова очень больно. Больно до слез. Но я дышу. Я живая.

Небо уже просветлело. Наверное, сейчас около пяти часов утра. Меня не нашли, это понятно. А проспи я еще немного дольше, глядишь, лет через пять обнаружили бы мои кости.

Лиспен мне приснился или был реален? Да нет, как может быть реален призрак?

«Ты мне обещала», – крутилось в голове. Поразительно, но это было так по-настоящему. Если бы Лиспен во сне не заставил меня проснуться, я бы уже была мертва, и кто знает, с кем бы потом уже я разговаривала в виде бестелесного духа. Лиспен не просил у меня ни достать его со дна болота, ни передать что-то его матери. Все, что он просил – свои ботинки, и я сдержу слово.

Я шла по деревне осторожно, на всякий случай, прячась за сырыми ивами и накрытыми пологом, стогами сена и телегами. Но пока еще многие спали, и мне встретилась всего пара вооруженных саблями стражников. Подозреваю, по мою душу. Скоро начнут просыпаться и сельчане, ведь в деревне всегда поднимались рано, так что мне лучше поспешить. Толпа просто разорвет меня без всякого суда. Я, проклятая бесовка, убила благочестивую жену и мать грудного ребенка. Никто даже слушать меня не станет.

Придя к дому Грайнов, я тихо вошла во двор и, крадучись, пробралась в дом. Его обитатели, к счастью, еще не проснулись. Прошмыгнув на кухню, я собрала в котомку вчерашних лепешек и кувшин с водой. Осталось самое важное – найти ботинки Лиспена. Я остановилась напротив одной из дверей в сенях. Мне сюда. Я чувствую это. Протянула руку к дверной ручке, точно что-то вело меня.

Аккуратно приоткрыв дверь я, оказалась в маленькой комнатке, где на кровати у окна спал ребенок. Тихо, Сейлин, не разбуди. Ты бываешь той еще коровой. Где же эти ботинки?

– Открой шкаф, – шепнул мне кто-то.

Я послушалась. На нижней полке в шкафу стояли три пары обуви, две для девочки, и одни, старенькие и пыльные в углу, для мальчика. Я присела на корточки и взяла в руки стоптанные темно-синие ботиночки. Это точно они.

– Мама!

Точно ошпаренная, я вскочила на ноги. Девочка в кровати с ужасом смотрела на меня и плакала. Крепко сжав ботинки, я бросилась вон из детской, едва не сбив с ног перепуганную мать, спросонья выбежавшую из комнаты напротив прямо в ночнушке.

– Сейлиндейл Мар? – широко раскрыв глаза, выпалила она. – Что ты тут делаешь? И куда ты несешь ботинки моего сына?

– Тетя Ларуя, вы не поверите, но Лиспен просил меня принести ему ботинки, – как же глупо это, наверно, прозвучало. – Его призрак просил меня.

– Ты совсем из ума выжила? Ненормальная! Отдай сейчас же! – она бросилась отнимать ботинки.

– Мама! – снова донесся крик из детской.

Женщина на мгновение отвлеклась, и я успела выскочить на улицу. Оказавшись за калиткой, я со всех ног понеслась к пещере. Дорога в Оргун мне теперь заказана. Мне нужно туда, где никто не знает Сейлиндейл Мар из Линорры. Вообще никто. Моя жизнь здесь оборвалась. Но я жива. А значит, я должна... нет, обязана начать новую жизнь. Ради себя и Марси.

Хотелось увидеть маму с папой хотя бы издали. Пусть они и не рады мне больше, но все же... Увидеть в последний раз. Но нет. Рвать надо сразу, а не кусочками. Иначе будет только больнее. Последний раз обернувшись на родную деревню, я смело шагнула в темноту проклятой пещеры.

Зловонный воздух ударил мне в нос, я прикрылась рукой. Сколько же таких Лиспенов гниет там, на дне болота? Я перебрала котомку через плечо и взглянула на мутную жижу. В пещере было сумрачно, но местами достаточно светло, чтобы обойтись без факела, которого у меня, к слову, все равно не было. Рассеянные столпы света, отражаясь от мерцающих в стенах горы камней, падали на мертвую стоялую воду, подсвечивая все торчащие в нем коряги и выпирающие над водой островки из камня.

Само болото было больше, чем мне показалось во сне, как и сама пещера. В ширину оно растеклось метров на двести и на добрую сотню вглубь пещеры. Луч света проникал откуда-то сверху, издали, за болотом. Похоже, там был каменистый завал, отсюда разглядеть не получалось. Но если в пещере есть свет, значит, есть и дыра, через которую он проникает. А, значит, там путь в Ясные земли.

– Ну, Лиспен, если ты меня обманул, я придушу тебя своими призрачными руками.

Набравшись смелости, я крепче сжала ботинки, поправила за спиной котомку и шагнула в сторону болота. Каждый шаг давался мне так, точно я шла по раскаленным углям. А ведь я еще даже не вошла в болото. Но вот я на краю. Улипкой, гниlostной, воды, источающей такой смрад, что меня едва не вырвало.

Что же я делаю, Пречистая? Это же чистое самоубийство. Сердце бешено заколотилось. Меня бросило в жар. Я не смогу. Я утону здесь. Я умру.

– Пять шагов вперед, Сейлиндейл, – эхом прозвучало в воздухе.

Я стиснула зубы, закрыла глаза и шагнула. Ноги тут же по щиколотку увязли в жиже. Я вздрогнула и сжалась. Не провалилась. Спокойно. Надо идти дальше. Пять шагов. Я шла, точно по ниточке, способной оборваться в любую секунду. Моя жизнь сейчас зависела от этой проклятой ниточки!

Но, преодолев пять шагов, я все еще оставалась на поверхности воды. Восемь до бревна. Вон пень, торчащий из воды, прямо как во сне. Несколько увереннее, но все еще аккуратно ступая по броду дрожащими ногами, я отсчитала восемь шагов до бревна. Шесть прямо и девять до камней. Вот они, торчат из воды, поросшие какой-то болотной травой. Я близко! Оставалось всего два шага, как вдруг прямо около меня лопнул огромный пузырь воздуха. Я вздрогнула и едва не оступилась, лишь чудом удержавшись на ногах. Я окаменела. Мне страшно, очень страшно.

– Помоги мне, Пречистая, как помогаешь всем своим детям, – прошептала я, закрыв глаза. – Помоги мне одолеть этот путь. Не оставь меня сейчас, когда ты так нужна мне!

Хэо, надеюсь, ты слышишь меня сквозь эти вековые горы. Я вдохнула и сделала еще два шага к камням. Двадцать два вперед. Прыжок! Спина отозвалась такой болью, что я не удержалась на ногах и с криком упала на четвереньки. Рука соскользнула с брода и погрузилась в воду по самое плечо. Изо всех сил я подалась назад и заставила себя подняться. Я смогу. Я должна. К бесам эту трясины! Осталось всего каких-то шагов тридцать по прямой.

– Ссейлин! – голос мягкий и манящий, напоминающий женский, легкой дымкой прокатился под сводом пещеры.

Я осмотрелась. Наверное, игра воображения. Шаг, еще, вот уже десять.

– Ссейлин, куда жже ты? – шипяще шептал голос.

Нет, мне не послышалось. Что за чертовщина?

– Ссейлин, не ходи впереед, там путии нет!

Что за глупости? Лиспен говорил мне, что надо идти прямо до конца.

– Ссейлин, сверни направо! Лиспен обманул тебя! Он хоочет твоей гиибелии!

Лиспен говорил не слушать. До сих пор я шла по болоту именно так, как он сказал. И я продолжила идти прямо. Шаг, еще шаг, я все еще не тону.

– Ссейлин, сверни направо! Напрааво! – все настойчивее повторял голос.

– Иди к черту, – прошипела я, стиснув зубы.

Когда до берега оставалась пара шагов, я взглянула на ботиночки в своей руке.

– Спасибо тебе, Лиспен. Жаль, я не могу сделать для тебя больше. Покойся с миром, – с этими словами я бросила ботинки в воду.

Мутная жижа тотчас поглотила их, как когда-то и ребенка, имевшего смелость или глупость зайти в это проклятое место.

Выйдя на твердую землю, я хотела, обернуться на проделанный путь, но в памяти внезапно всплыли слова Лиспена «беги и не оглядывайся!».

– Ты заплатишь! – прошипел голос.

Я рванула вперед к каменному завалу. Там, откуда-то сверху бил яркий луч света. Я должна забраться туда. Что было сил, я стала карабкаться вверх по каменной насыпи. Каждое движение заставляло рубашку натягиваться на моей изрезанной спине. На глазах выступили слезы. Я хочу, чтобы этого всего не было. Хочу проснуться в своей кровати, здоровая и безза-

ботная. Хочу пойти играть с братом и Марси. Вдруг камни подо мной осыпались и сорвались вниз. Я вскрикнула, но удержалась. Сжав зубы, я продолжала лезть все выше и выше, цепляясь за первые попавшиеся выступы.

– Ссейлин, ты не дойдешь! Убийца! Ты погубишь мир! – раздавалось едва ли не над самым ухом. – Обернись! Посмотри на меня, Ссейлин!

«Не оглядывайся, что бы ни происходило за твоей спиной». Я помню, Лиспен, я не обернусь. Местами камни были такие острые, что я распорола руку и теперь оставляла на них свои кровавые отпечатки. Как же больно. В глазах снова замерцали звезды. А в следующий миг моя нога сорвалась, и я едва не полетела вниз со склона.

– Ты не дойдешь! – внезапно я ощутила на своих плечах чье-то холодное прикосновение.

– Вон! – заорала я и с силой дернулась вверх.

Прикосновение тут же испарилось. Еще немного, осталось совсем немного. Свет все ближе. Я смогу! Я уже столько преодолела!

– Сейлиндейл, помоги мне!

Я замерла. Вейго?

– Я здесь, Сейлин! Помоги мне, пожалуйста! – это его голос звал меня откуда-то снизу.

– Как ты можешь быть здесь? – спросила я себя саму. – Ты должен быть в Академии.

– Обернись, Сейлин, иначе я погибну!

«Что бы ты ни услышала». Лиспен предупреждал. Это бесы путают меня. Это не Вейго. Его не может быть тут. Он учится в Академии, и я должна быть там. Я смогу, осталось немного, еще совсем немного. Я доберусь до верха или погибну. Соберись, тряпка! Ну же!

Внезапно яркий свет ударил мне в лицо, я загордилась рукой. Прохладный ветер трепал мои обкромсанные волосы. Я открыла глаза и опустила руку. Предо мной простиралось яркое поле цветов, залитое рассветным солнцем. Яркое, разноцветное и живое! Я никогда не видела таких ярких красок! Все, что окружало меня за Горой, было серым и мрачным, ведь к нам никогда не проникал солнечный свет. А вот так, значит, выглядит солнце? Так выглядят яркие краски? Не моргая, замороженно, я смотрела на едва поднявшееся над горизонтом солнце. Его теплые бархатные лучи растекались по спящей, сумрачной земле, по моей уставшей коже и ласково согревали ее. Клянусь, ничего прекраснее рассвета я в жизни не видела!

Выбравшись из провала в стене, я принялась аккуратно спускаться к подножию горы. До земли было, наверное, метров триста, но меня это не пугало. Не пугало и то, что склон снаружи был более отвесным, нежели в пещере. Спина гудела, руку щипало от раны, но все же я чувствовала облегчение. Я в безопасности. Теперь за мной не гонятся ни бесы, ни изир Текарай со своей ведьмой, ни стражники. Удумали тоже, убить меня до утра. О, Пречистая, как я могла жить раньше и не видеть этого прекрасного рассвета? Хуже того, я могла умереть и так никогда и не увидеть его! А ночью я увижу луну и звезды. А потом снова рассвет. И так теперь будет каждый день! Каждый день!

Одно неловкое движение, и я кубарем скатилась оставшиеся метров двадцать к подножию Горы. Под ноги надо было смотреть, растяпа, а не на солнце. Насмотрюсь еще. Теперь точно. Не верится. Я лежала в пыли и собиралась с силами. Как же хочется просто остаться здесь и поспать. Одно но – я могу не проснуться. Мне нужна помощь. Спину будто на костре опалили, и, похоже, у меня высокая температура.

Я встала. Кости вроде целые. Подняв валявшуюся в стороне котомку, я с ужасом обнаружила, что большой глиняный кувшин, в который я налила воды, разбился, и вся вода утекла в землю.

– Ох, Хэо, что же я теперь буду пить? – с досадой смотрела я на осколки.

Я же ничего тут не знаю. Надо найти воду. Оторвав часть ткани от котомки, я завязала ту руку, что была поранена сильнее и кровила. По сравнению с тем, что сделали с моей спиной, это царапина.

Но как же приятно понимать, что за мной никто не гонится. Здесь словно другой мир. Мой был монохромный, будто заготовка готового изделия, а этот яркий, настоящий, законченный. Хотя еще пугающий и чужой. Но я освоюсь. Обязательно!

Вынув из котомки овсяную лепешку, я откусила кусок и в последний раз оглянулась на Безымянную гору. Прощай, ненавистная гора. Здравствуйтесь, Ясные земли! Жди меня, Ардалия!

6 глава

Я направилась к прокатанной через поле дороге, которую заприметила еще сверху. Глядишь, добрые люди на телеге еще и подвезут. Хотя стоит ли надеяться, что кто-то захочет помочь? Я же не знаю местных нравов.

Гора осталась далеко позади, а передо мной влево и вправо уходила колея. Куда же мне идти? В какой стороне Ардалия? А, была не была!

Я повернула на восток, туда, где поднималось солнце. Наверное, потому что мне совершенно не хотелось поворачиваться к нему спиной. Я шла и наслаждалась каждым шагом, каждым вдохом этого невероятно чистого воздуха, наполненного ароматом цветов, согретого солнцем и разбавленного свежим ветром. Это придавало мне сил шагать снова и снова.

Как я жила без всего этого? Да разве я жила раньше? Кажется, я никогда так широко не смотрела на мир. Я точно проснулась от долгого сна. Да чтоб меня бесы разорвали, я не вернусь за Гору, в эту вечную тень и сырость. Может, лишь затем, чтобы спалить чертову ведьму на драконе. Разве я сделала что-то плохое, Хэо? Разве я заслуживаю смерти? Я не плохая, я не зло. Я верю и буду верить, что Хэо – это любовь, а не наказание. Если богиня наша заступница, то как ее можно бояться? Ее можно лишь любить и уважать. Так должно быть. Хэо не может не знать, какая я. А я не чувствую в себе ничего дурного. По крайней мере, настолько, чтобы заслуживать смерти.

К полудню я уже изрядно прошагала, палящее солнце окончательно обессилило меня, и я поняла, что дальше идти просто не смогу. Какова же была моя радость, когда я, наконец, увидела на обочине одиноко стоящее дерево. Добравшись до него на остатках своих сил, я рухнула на траву. Израненное тело мгновенно обмякло. Прохладная мягкая травка. На лице сама собой появилась улыбка. Попить бы, но приятная тень уже подарок. Странное чувство безопасности в чуждом мире не покидало меня. Точно именно теперь я... дома.

Тело отказывалось двигаться, но я и не пыталась. Как же тут хорошо. Казалось, я впитывала целебную прохладу из самой земли. Ну и пусть, что избитая. Главное, что живая, и за мной точно нет погони. Я свободна, и это превосходное ощущение придает мне сил!

Не знаю, сколько я лежала, похоже, меня сморило в сон, но вдруг я проснулась от того, что где-то рядом хрустнула ветка, и кто-то тихо выругался. Я подняла голову. Некто сидел спиной ко мне и рылся в моей котомке.

– Эй, ты чего творишь?! – сон как рукой сняло, я поднялась на ноги.

Вор тут же сорвался с места и рванул прочь, держа в руках мои лепешки.

– А ну стой! – что было сил, я бросилась за ним и успела ухватить за накидку.

Вор попытался оттолкнуть меня, и мы вместе повалились на дорогу.

– Отпусти! – сквозь зубы процедил вор. Девчонка!

– Верни мой хлеб, тогда отпущу, – ответила я, удерживая ее носом в землю.

– Ладно, ладно, чтоб тебя!

Я отпустила. Девчонка встала и вытряхнула из-за пазухи на дорогу мои лепешки.

– Подавись!

Девчонка фыркнула и резко повернулась так, что капюшон упал ей на плечи, явив солнцу копну каштаново-рыжих волос, по которым навзрыд ревела расческа. Наверняка, там и живность какая-то водится. Но волосы это еще полбеды. А вот все остальное... Таких людей я определенно никогда прежде не видела.

– Ты что такое вообще? – спросила я, благоразумно отступив на несколько шагов.

Воровка едва доставала мне до плеч, хотя я и не отличалась особенно высоким для женщины ростом. Фигуру имела тощую, необычно длинные руки цепкими худыми пальцами сжимали палку, которой девчонка, по видимости, собиралась теперь от меня отбиваться. Ее

внешность казалась настолько странной, что я, забыв обо всех приличиях, бесцеремонно разглядывала ее, но все равно не могла даже предположить, что это за существо такое. Первоначально в глаза бросался цвет кожи. Я, конечно, видела заезжих торговцев и путешественников с кожей белой, как молоко, и черной, как ночь, но чтобы с зеленой... Нет, серой. Или голубой?

– Большая, что ли? – девчонка сдвинула тонкие темные брови. – Никогда не видела накси?
– Кого?

Девчонка состроила гримасу, которой явно дала понять, что думает о наличии у меня мозгов, и закатила глаза. А глаза прямо как у нашей Буренки – такие же большие, зеленые, с длинными, как опухшая, черными ресницами и наивным, детским взглядом. Я подобрала с дороги лепешки и смахнула с них пыль.

– Зачем ты украла?

– Сама-то как думаешь? – проворчала девчонка, потупив взгляд.

– Если ты хочешь есть, могла бы просто попросить.

– А ты бы прямо так мне и дала, – ухмыльнулась она. – И вообще, я думала, что ты сдохла.

– Чего?!

– Лежит мелкий хмырь, не двигается, спина в крови. Воняет, как обоссали. Мне надо было спросить у покойника? – девчонка развернулась и быстрой семенящей походкой пошла прямо по дороге.

– Эй, куда ты? – я кое-как нагнала ее.

– Тебе какое дело? – фыркнула она. – Я отдала тебе лепешки. Чего прилипла?

– Скажи, в какую сторону Королевская Военная Академия, и я дам тебе лепешку.

– А ты сама не знаешь?

– Не знаю. Я родом из Линорры, никогда здесь раньше не бывала.

– Где это, Линорра? – скептически покосилась на меня она своими странными большими глазами.

– За Безымянной горой, – я указала на темную громадину справа от нас, исчезающую в облаках.

– Врешь! – отвернулась девчонка. – Из-за Горы сюда попасть невозможно. Это каждый младенец знает.

– Младенцы часто ошибаются. Мне нужно в Академию. Там мой брат.

– Тебя туда все равно не пустят.

– Откуда тебе знать?

– Принц Кайден недавно издал указ не пускать в город пришлых простолюдинов, а Академия находится на территории города.

– А с чего это принц Кайден издает указы?

Я слышала, что у короля Вайрона три сына, Мейдан, Кайден и Йерран. Но разве не сам король должен издавать указы?

– Ты не знаешь, что ль, король Вайрон при смерти? Говорят, со дня на день копыта откинет.

– Не знала, – честно призналась я. – А что с ним?

– Мне насрать. Как по мне, так пусть старый хрыч катится в преисподнюю и чем скорее, тем лучше.

– И что плохого тебе сделал король? – осведомилась я.

– А чего хорошего он мне сделал? – зеленые глаза девчонки сверкнули янтарными искрами в лучах солнца. – Он спит на золотых простынях, жрет золотыми ложками, не удивлюсь, что он даже гадит золотом. А знаешь, где сплю я?

– И, боюсь предположить, чем ты гадишь.

Девчонка в голос засмеялась, а затем добавила с прежним цинизмом:

– Тогда ты понимаешь, что любить короля и всю его семейку мне не за что, чтоб их бесы подрали!

Она быстро пошла дальше по дороге в сторону показавшегося на горизонте леса. Я хотела было рассказать ей, что принц Йерран совсем не такой жлоб и негодяй, как она считает, но промолчала. Одно мне стало ясно, девчонка наверняка знает об Ардалии и Академии то, чего не знаю я, и уж точно ей известно, как туда добраться.

– Меня зовут Сейлиндейл. Можно просто Сейлин.

– Странное имя, – хмыкнула девчонка.

– Оно очень старое. Наверное, что-то значит.

– Буду звать тебя Синеглазка, – улыбнулась девчонка. – Кстати, не ожидала встретить бесовку в Ясных землях. Их тут не жалуют.

– Еще раз назовешь меня бесовкой, наведу порчу.

Девчонка вдруг стала синего цвета и вытаращилась на меня своими огромными глазами.

– Шучу. Я не бесовка. Просто мне не нравится это сравнение.

– Ну извини, – девчонка все еще глядела на меня подозрительно. – Ты похожа.

– Ты вообще не очень похожа на человека, но я ж тебя не обзываю.

– Да мне все равно. Я привыкла, – она натянула привычно-равнодушную маску. – Меня, кстати, зовут Хетара.

– Давай так, Хетара, я поделюсь с тобой своими лепешками, а ты покажешь мне дорогу в Ардалию. Конечно, если у тебя нет других дел.

– Идет, – пожала плечами она. – Хотя я все равно не понимаю, зачем тебе туда.

А мне больше некуда идти!

Я ничего ей не ответила. Все равно вряд ли мне удастся все это объяснить. У Хетары свой взгляд на жизнь и свой опыт. И, наверное, он стал слишком тяжелой ношей для девочки ее возраста. Мне казалось, что это мне тяжело жилось: я вставала до первых петухов и шла в школу, где всех детей до десяти лет учили читать, считать и писать. Занятия проходили дважды в неделю, а в остальное время дети помогали родителям: работа по дому, в поле, во дворе... да мало ли дел в деревне. Всего никогда не переделаешь.

Кстати, именно король Вайрон ввел обязательное трехлетнее обучение для крестьянских детей. Мне нравилось в школе. С третьего класса мальчики и девочки учились отдельно. Девочки обучались шить и готовить, мальчики столярному или кузнечному делу. В общих чертах всем нам рассказывали о королевской семье, об Ардалии, но недостаточно, как я теперь понимаю. Конечно, я уставала. Вдобавок, мама при случае старалась нагрузить меня работой побольше – опять-таки, чтоб поменьше людям глаза мозолила. Но я хотя бы дважды в день получала свою миску каши и лепешку, а вот Хетаре, похоже, повезло и того меньше.

Мы приближались к лесу. Хетара с удовольствием уминала лепешку, и я решила, что сейчас лучшее время завязать разговор.

– Не могу понять, какого цвета твоя кожа.

Большую часть времени ее лицо было светло-зеленого оттенка.

– И не пытайся. Накси – хамелеоны. Наша кожа меняет цвет по настроению. Не по ее, жиному, а нашему настроению, естественно. К примеру, когда мы пугаемся, то синеем. Когда радуемся – желтеем, а если злимся, то становимся темно-красными.

– Никогда такого не видела.

– Не удивительно. Вы там за Горой совсем одичали. А тут в Ясных землях накси никого не удивишь.

Стыдно признавать, но она права. Меняем тему.

– Ладно. Расскажи, откуда ты? Где твои родители?

– Я родилась в деревне у Костлявого леса. Она очень маленькая, у нее даже названия нет. Я давно одна. Родители умерли.

– И что же, твои родственники не могут приютить тебя?

– Было б кому, – хмыкнула она. – Родню отца я не знаю. А родня матери... это бесполезно.

– Почему бесполезно?

– Я же не чистокровная накси. Чтоб ты знала, у чистокровных кисточки на ушах, длинные когти и глаза другие, – Хетара жестом изобразила у себя длинные уши. – Мой отец – человек, а мать из накси. Он был лиходеем, похитил маму где-то в Радужных лесах, хотел продать, но так она ему понравилась, что оставил себе. Она умерла, когда мне было лет восемь, а отца забрали на войну, и он не вернулся.

Хетара с удовольствием откусила кусок лепешки.

– Убили, стало быть.

– Сожалею.

– Да нечего, – отмахнулась девчонка. – Не особо-то жалко было. Мой отец был пьяницей, как напивался, так бил мать и меня, если не успевала спрятать меня под полом. Я хоть и мелкая была, но все помню. Старшая сестра давно из дома ушла. Вроде как работает в каком-то борделе. Спрос на экзотику, говорят, огромный.

Хетара говорила совсем как взрослая. По-моему, ненормально в ее возрасте знать такое о борделях. Но, похоже, что критерий нормальности вообще неприменим к этой девочке.

– Ты никогда не хотела найти свой народ?

– Какой народ? У меня своего народа нет, я ж полукровка. Накси против смешения кровей. Я для них – позор.

– Откуда тебе знать? Наверняка, у твоей мамы есть родственники. Они же не звери, примут тебя. Все лучше, чем побираться.

– Побираться? – Хетара обиженно фыркнула. – Еще чего!

– Значит, грабишь?

Девчонка самодовольно улыбнулась в подтверждение моих слов. Тем временем вы вошли в лес.

– Значит так, – серьезно заговорила Хетара. – В этом лесу можно встретить лиходеев. Еще хуже натолкнуться на зеленого лесного дракона.

– Зеленого лесного дракона? – переспросила я.

– Да. Это такие злобные твари, которые не летают, зато очень быстро бегают. И еще они вечно голодные. Seriously тебе говорю, они все время хотят жрать. Кто поперся в Костлявый лес, должен быть готов стать обедом, особенно, если свернул с дороги. Огнем они не дышат, зато кусаются о-го-го. У нас в деревне в Костлявый лес старались не соваться без особой нужды.

– А откуда ты столько знаешь про драконов? Встречала такого?

– Да сплюнь! – Хетара боязливо огляделась по сторонам. – Отец рассказывал. Иногда он все же бывал трезвым, и тогда драконы были его любимой темой.

– Так это и есть Костлявый лес? А почему его так называли?

Я осматривала дубы по обе стороны от дороги. Боюсь даже предположить, сколько лет этим деревьям. Сквозь их массивные, непроглядные кроны почти не проникал солнечный свет.

– Он самый. Потому что костей тут не меньше, чем деревьев, наверно. Лиходеи прямо обожают этот лес, – девчонка умяла уже всю лепешку. – Водички бы попить. У тебя есть?

– Нет. Воду придется найти. Может, заглянем в твою деревню?

– Может, и заглянем, – насмешливо ответила та. – Только деревня по ту сторону леса.

– Ты не боишься ходить тут одна?

– Боюсь, но нужда заставит. – Хетара сорвала на ходу с куста красные круглые ягоды и принялась обсасывать ветку. – Зато теперь я же не одна. Я с тобой.

Это слабое утешение. Хетара протянула мне несколько ягод.

– У нас эти ягоды называют кровавый глаз. Звучит жутко, но на вкус очень даже. Попробуй.

Я взяла у нее ягоды и положила пару в рот. Действительно вкусно. Сладкие, сочные, слегка вяжут во рту. Даже немного утолили жажду.

Мы шли по прокатанной колее дороги, которая практически не сворачивала. Над нами нависали вековые кроны могучих деревьев, сквозь которые лишь кое-где проникал дневной свет, но почему-то лес совсем не казался мне страшным. Повсюду пели птицы, а в воздухе царили утренняя свежесть и прохлада. Сон под деревом придал мне сил, а идти по прохладному лесу было намного легче.

Я с удовольствием любовалась всем, что нас окружало. Жаль, здесь уже не росли цветы, как прежде на поле, видимо, им не хватало солнечного света. Зато зеленых кустарников с широкими раскидистыми листьями и вкусными красными ягодами было хоть отбавляй.

Я произвольно рассматривала свою спутницу. Щуплая, я бы сказала, тощая, в мешковатой поношенной грязной одежде, которая явно была на несколько размеров больше ее собственного. Наверняка, украла. На ногах плетеные хиги, довольно новые. Скорее всего, тоже не свои. Особо примечательным мне показалось то, что все лицо Хетары было усыпано темно-рыжими веснушками, а в купе с яркими зелеными глазами это выглядело очень необычно и, я бы сказала, очаровательно.

Мы шли уже несколько часов, и обе порядком утомились. Приближалась ночь, и в и без того темном лесу повисли беспросветные сумерки. Хетара делала вид, что совсем не устала и на показ демонстрировала желание продолжать путь. Но, в конце концов, она все же присела на полянке у дороги, однако, попыталась-таки сохранить лицо.

– Вот доживу до твоих лет, может быть, тоже буду постоянно отдыхать, – расслабленно проговорила она. – А пока так и быть, посижу тут с тобой. Отдыхай.

Я только беззвучно посмеялась и села рядом. Малявка тешит свое самолюбие. Ну, что ж, мне не жалко. Еще несколько лет, и она доживет до моего жуткого возраста. Насколько она меня младше? Года на три, четыре? Доживешь, куда ты денешься? Конечно, если ничего не случится... В памяти всплыло «И тьмой накроет целый свет. Конец всему, спасенья нет».

– Хетара, а ты слышала про Проклятого всадника? – сама не знаю, зачем спросила я ее. Девочка странно посмотрела на меня и поежилась.

– А почему это ты спрашиваешь?

– Просто интересно. В моих краях о нем ходит одна легенда. И говорят, что настанет день, когда Всадник проснется.

– Опять?! – оторопела она.

– Что значит «опять»? – настороженно поинтересовалась я.

– Тебе, что, не рассказывали про Проклятого всадника? – Хетара вытаращила на меня свои под стать краскам леса глаза.

Я отрицательно покачала головой.

– В Линорре на тему проклятий и загробной жизни говорить было не принято. Мы почитаем Хэо, а об остальном стараемся не говорить, дабы не накликать беды.

– И Вальзаара, тьфу на него, не называете?

– Чего?

– Ну, он как бы противоположность Хэо.

– Не знала...

– Деревенщина. Ну, слушай. Говорят, что Всадник приходил в этот мир уже дважды.

– Кто говорит?

– Откуда я знаю? – недовольно фыркнула она. – За что купила, за то и продаю. Сиди и слушай, а то рассказывать не буду.

– Будь ты моей младшей сестрой, Хетара, давно бы получила по шее! – не сдержалась я.

– Но я не твоя сестра. И если хочешь узнать про Всадника, то слушай молча.

Я взмахнула рукой, дескать, давай.

– Так вот, в первый раз Всадник приходил еще во времена первых всадников драконов при короле Нараяне Мудром. Это мне мама рассказывала. Всадником стал павший в бою лучший рыцарь короля. Рыцаря тяжело ранили, и перед смертью он поклялся вернуться и отомстить. И он вернулся, став Всадником. На своем драконе он едва не погубил весь мир, и никто не мог его даже ранить.

– А что за дракон?

– Красный шипохвост. Жуткая тварь. Тогда, говорят, их было еще много. Но, к счастью, все они вымерли.

– Почему?

– Истребили к чертовой матери. Вроде как это были невероятно злобные и хитрые твари, к тому же размером не меньше нагарского горного певуна. Раз видела эту тварюгу, чуть не описалась. Так что лично мне ни капельки не жаль.

– А что случилось, когда рыцарь стал Проклятым всадником?

– Ты слышала песню: Когда прольется кровь с небес...

– То всадник горестный воскрес, слышала. Но что же, с неба, в самом деле, лилась кровь?

– Откуда мне знать? – Хетара нахмурилась. – Меня там не было, если что. И вообще, надоело мне это. Давай спать.

– Спать? Ты куда? – я в недоумении наблюдала, как девчонка, проворно цепляясь за переплетенные стволы неизвестного мне дерева, забирается наверх.

– Я еще в своем уме, чтобы ночью по лесу шататься, – пробормотала она себе под нос. – Хочешь, спи на земле. Лесной дракон будет только рад.

Придется признаться.

– Не могу я на дерево. Спина очень болит.

– Кто тебя так, все забываю спросить?

– Лучше тебе не знать. Они остались за Горой, а я здесь. И это главное.

– Главное, чтобы ты от этих ран не сдохла. Попадет зараза, и все – кранты. Уже поди попала.

Твою налево! Все это время я старалась гнать от себя эти мысли. Тем временем Хетара слезла с дерева и ушла в лес. Ее не было несколько минут, затем она вернулась с кучей каких-то листьев в руках.

– Жгучий болотник поможет очистить раны. Будет жечь, иначе б его так не назвали. Но ты потерпи. Сдавай, снимай рубаху.

Послушно снимаю и, сжав до боли зубы, терплю, пока Хетара приклеивает мне на раны листья. Аккуратно надев поверх них рубашку, я таки забралась на дерево вслед за девчонкой.

Примостившись на соседнюю с Хетарой ветку в пяти метрах над землей, достаточно толстую, чтобы выдержать мой вес, я протиснулась между двумя другими и, уверенная, что они не дадут мне свалиться, попыталась заснуть.

– Синеглазка?

– Чего? Я сплю.

– Убила кого, что ль?

– Ты хотела спать, вот и спи!

Глаза намокли. Я взглянула в небо, но ничего, кроме темноты, не увидела. Прямо как дома – никаких звезд. Ничего, Марси. Это в последний раз.

– Сейлин...

Внезапно я открыла глаза. Этот голос я уже слышала. И это не Хетара. А где я? Почему все вокруг в дыму? Я не вижу пламени, не слышу треска горящих веток. Я вообще не в лесу. Я в поле. Как я сюда попала?

– Сейлин...

Я волчком завертелась на месте. Кто меня звал? Где он? Приглушенный, мягкий, но сильный и уверенный мужской голос знакомым раскатом прокатился вокруг меня.

– Сейлин. Иди ко мне...

– Кто ты? – крикнула я в пустоту.

Дышать стало все тяжелее, я прикрыла рукавом нос. Дым обступил меня со всех сторон, и теперь я не видела даже собственных ног.

– Сейлин. Ты нужна мне.

– Да кто ты такой, чтоб тебя?! Где ты?!

Что-то заставило меня обернуться. Прямо за моей спиной стоял огромный дракон. Точнее нависала его морда размером с корову и шея, исчезающая в дыму. Я остолбенела. Я боялась дышать, не то, что бежать. Чудовище в упор смотрело на меня красными горящими глазами. Горящими в самом прямом смысле! Огромные, миндалевидные глаза, состоящие из алого пламени. Чешуя дракона была ярко-красного цвета и дымилась так, будто внутри дракона разожгли гигантский костер.

– Сейлин... Не бойся дракона. Он не враг тебе, как и я.

Я попятилась. Огромная морда приоткрыла зубастую пасть и потянулась за мной. Нервы сдали. Со всех ног я рванула прочь от чудовища. Сейчас укусит, вот сейчас догонит, и тогда все...

– Не беги от меня, Сейлин. От судьбы нельзя сбежать.

– Отстань от меня! Оставь меня в покое! – на бегу закричала я.

– Эй, Синеглазка!

Я подскочила так, что едва не свалилась вниз, несмотря на тиски из веток. Хетара смотрела на меня чем-то очень озадаченная.

– Ты чего так орала? Кошмар приснился?

– Чего? – спросонья я толком не расслышала ее.

Осмотрелась. Утро. Красного дракона нет. Дыма тоже. Все это мне приснилось. Слава Заступнице! Я расслабленно откинулась на ветки.

– Говорю, чего орешь? – Хетара полезла по дереву вниз.

– Сон дурацкий.

– Я уж решила, надо тебя разбудить, пока ты не перебудила всех лесных драконов.

Мы перекусили лепешками и только собирались идти, как вдруг неподалеку раздался хохот и грязная брань.

– Прячься! – Хетара тут же скользнула в ближайшие кусты, я последовала ее примеру.

7 глава

Буквально через минуту из-за поворота вышла лошадь с восседавшим на ней бородастым мужиком средних лет в потрепанной, заплатанной одежде и саблей на поясе. Он широко улыбался кому-то, во рту у него не хватало как минимум половины зубов, а один из оставшихся блестел золотом. Следом за ним показалась лошадь, запряженная в повозку. На козлах вальяжно расселись два не менее отвратительных типа. За спиной у них была железная клетка, а в ней сидел связанный человек.

– Тормози! – закричал конный, едва поравнявшись с нашими кустами. – Передохнем тут на поляне.

Его спутники одобрительно загалдели. Привязав лошадей, все трое сели на траву и принялись есть что-то из своих запасов. Их пленник не двигался. Отсюда я не могла рассмотреть его и решила немного приблизиться, но Хетара поймала меня за руку и прижала палец к губам. Этому человеку нужна помощь, вдруг он ранен и истекает кровью? Типы, засунувшие его в клетку, не особенно смахивают на блюстителей закона. Так что, скорее всего, их пленник – добропорядочный человек. И я не прошу себе, если не попытаюсь помочь ему. Потому, невзирая на предупреждение Хетары, я все же медленно подползла поближе к клетке.

Внезапно пленник повернул голову точно в сторону кустов, в которых я сейчас пряталась. Я замерла. Неужели услышал? При этом трое покатывающихся со смеху беззубых типов на мое приближение никак не реагировали. Я постаралась рассмотреть пленника. Мужчина в черной одежде, не юный, но и не старый, с длинными светло-русыми волосами и невероятными золотисто-рыжими глазами. Его руки были связаны за спиной, а рот закрыт плотной тряпкой. Он смотрел на мои кусты, а точнее как бы сквозь них прямо на меня. Подозрительно это все. Очень тихо, чтобы не привлечь внимания остальных неприятных типов, я вернулась туда, где пряталась Хетара.

– Ты совсем рехнулась? – раздраженно прошептала она. – Какого беса тебя понесло туда?

– Хетара, мы должны помочь этому человеку, – прошептала в ответ я.

– Должны? – усмехнулась она. – Я ему ничего не должна.

– А что, если завтра ты попадешь в беду? И кто-то точно также пройдет мимо тебя, потому что ничего тебе не должен?

– И что ты предлагаешь? Рисковать жизнью ради незнакомца? Да ты хоть представляешь, что сделают с тобой эти типы, если поймают? Я-то им вряд ли понравлюсь, а вот ты, Синеглазка...

– Я не прошу тебя рисковать собой. Я все придумала. Обещаю, все получится.

– И почему я должна помогать тебе?

Действительно, почему?

– Ты мне ничего не должна, но я прошу тебя. А взамен три лепешки.

– Четыре.

– Три, – безапелляционно заявила я. – Две мне нужны на дорогу до Ардалии.

– Ладно, – нехотя согласилась она. – Но если мне не понравится, что ты придумала...

Вот и договорились.

Лиходеи сидели и по-прежнему весело обсуждали что-то, чокаясь фляжками, похоже, с чем-то горячительным и закусывая куском лепешки. Вдруг в чаще раздался истошный вопль, а следом за ним тонкий женский голосок прокричал:

– Помогите! Помогите кто-нибудь!

Я ждала в кустах, в то время как Хетара сидела на земле и старательно изображала испуг и слезы. Не прошло и минуты, как на призыв о помощи явился ухмыляющийся разбойник. Уви-

дев растрепанную и заплаканную девчонку, он приободрился и, уперев руки в бока, вальяжно зашагал к ней.

– И кто это у нас тут? – заплетающимся от выпитого, противным голосом произнес он. – Надо же, какая симпатяга, и совсем одна. Иди ко мне, девочка, не бойся!

Хетара отползла назад.

– Не бойся. Тебя никто не обидит, – лиходей оскалился в беззубой улыбке.

В этот момент на его голову обрушился увесистый булыжник. Несчастный даже вскрикнуть не успел, и я оттащила его в кусты, с трудом поборов рвотный рефлекс. Воняло знатно – как от кучи коровьего дерьма вместе с тухлыми яйцами.

Теперь надо ждать второго. Надеюсь, он найдет друга по запаху. Но чтобы быть готовой к любым неожиданностям, я вновь притаилась за кустами.

– Чего-то Крайв там долго, – недовольно проворчал один из оставшихся. – Говорил же ему, скоту, девку не трогать, тащить сюда.

– Да пускай повеселится, – возразил второй. – Чего тебе, жалко, что ли?

– По голосу, так визжала совсем девчонка. Непорченную девку можно продать намного дороже. Так что иди и проверь. Если он чего с ней сделал, я ему башку проломлю.

Тот встал, бубня под нос какие-то ругательства, и направился в ту же сторону, куда минут пять назад ушел его поддатый товарищ.

Не успел пришедший как следует рассмотреть Хетару, которая по-прежнему старательно изображала жертву, как и его постигла незавидная участь. Страшно подумать, какая головная боль будет у этих парней, когда они очнутся.

Итого, остался всего один лиходей. Однако он не торопился присоединиться к товарищам, явно заподозрив неладное. Вместо того чтобы отправиться за ними и встретиться с моим верным союзником – камнем, негодяй вооружился кинжалом и принялся высматривать кого-то среди деревьев. Все это время пленник спокойно сидел в клетке и никак не реагировал на происходящее, лишь равнодушно смотрел на кусты, в которых сейчас прятались мы с Хетарой.

– И что теперь будем делать? – разочарованно поинтересовалась она. – Этот оказался не такой тупой.

– Есть идея, – на четвереньках я подползла к лошади и отвязала ее.

Беги давай. Не хочет. Ну, сама виновата. Я схватила сломанную ветку и кольнула ее концом в бок лошади. Лошадь заржала, лягнула воздух и стремглав унеслась прочь.

– Стой, тварина! – заорал лиходей.

Однако я рассчитывала, что он побежит ловить свою клячу. Этого не произошло. Он по-прежнему бродил по поляне, сжимая кинжал.

– Хитрый, сволочь, – одобрительно заявила Хетара. – Я б тоже не повелась.

– Сильно умная? – рявкнула я на нее. – Иди открывай замок, а я отвлеку этого гада, сколько получится.

Пречистая Хэо, на что я подписываюсь? Да этот зубоскал приберет меня, как корова назойливую мошку. Но раз начали, надо было заканчивать. Я уверенно вышла из кустов.

– Эй, ты, кого высматриваешь? – дерзко бросила ему я.

Увидев меня, лиходей широко улыбнулся.

– Посмотрите, кто у нас тут! – он широко раскинул руки и медленно пошел на меня. – Бабенка, одетая под мужика. Ты на кой черт так вырядилась? Думала, штаны напялишь, косы

обрежешь, и тебя примут за мужика? А вот черта с два! Вот это у тебя не выросло! – он схватился рукой за причинное место.

Фу, мерзость какая! Чего там Хетара копается? Ну, давай уже! Краем глаза я наблюдала, как девчонка подкралась к клетке и ковыряется в замке ножом.

– Иди-ка сюда, милая, – лиходей попытался поймать меня, но я отпрянула назад. – Куда ты бежишь? Ты здесь одна или с подружкой?

– С подружкой! – уверенно раздалось за спиной, а через миг лиходей повалился на траву, оглушенный камнем.

На мой немой вопрос Хетара насмешливо ответила:

– Что?! Я не смогла открыть замок. Что мне оставалось?

– Ладно, давай откроем, выпустим его.

Забрав ключи у лежащего на земле лиходея, я быстро подошла к клетке и открыла замок. Вопреки моим ожиданиям, пленник не подорвался вон из заточения, а так и продолжил сидеть, равнодушно взирая перед собой. В шоке, наверное.

– Эй, выходи, ты свободен, – пояснила я ему.

Поймала себя на мысли, что этот странный персонаж внешне гораздо больше подходит на роль моего брата, чем Вейго. Мне бы такие длинные волосы... Ага, были. Сама, дура, виновата, вот и нечего теперь локти кусать. Пленник же лишь исподлобья взглянул на меня, да так, что не по себе стало, но опять не двинулся с места. То ли запуган, то ли связан так, что не может встать. Надо помочь. Я забралась в клетку.

– Я помогу тебе, – первым делом я сняла повязку с его рта, но он ничего не сказал.

Мельком бросив взгляд на его лицо, мне показалось, что ему чуть больше тридцати. Но, может, и меньше – выглядел пленник довольно изможденным. Я развязала веревку на его руках. Странная такая веревка. Кровью, что ли, пропитанная. Но чьей? Ведь его руки не поранены.

– Вот и все, – я выбралась из клетки первой. – С тобой все в порядке? Ты не ранен? Вылезай уже.

Пленник не ответил и даже не посмотрел на меня. Полагаю, что теперь, когда он свободен, должен же он хотя бы поблагодарить нас. Это же само собой разумеется, если тебя спасают из плена. Но вопреки моим ожиданиям, он молча выбрался из клетки, отряхнулся и принялся распрягать оставшуюся лошадь.

– Что он делает? – боязливо спросила Хетара.

– Понятия не имею, – призналась я.

– Тебе не кажется, что мы освободили психа?

– Начинает казаться. Эй, ты! – я позвала громко, но пленник не обернулся. – Ты не думаешь, что неплохо было бы поблагодарить тех, кто освободил тебя?

Он проигнорировал мой упрек.

– Тебя, что, в хлеву воспитывали?

– Придержи язык, бесовка. Мое освобождение было лишь делом времени, – раздраженно проговорил мужчина.

– Интересно девки пляшут! – Хетара сложила руки на груди. – Мы ради тебя жизнью рисковали, если что.

– Разве я просил вас? – пленник распряг лошадь и повел ее под уздцы к дороге.

– Вот и помогай после этого людям, – проворчала я, отвернувшись.

Нет, конечно, если настолько формально подходить к вопросу, то да – он нас не просил. Но с другой стороны он и не мог с завязанным ртом, а порядочного человека о таких вещах просить не нужно. Кажется, мы освободили того, кто ничем не лучше тех, что посадили его в клетку.

– Пошли, Хетара, от этого человека благодарности мы не дождемся.

Мы быстро вышли с поляны на дорогу и направились дальше. Однако не прошли и ста метров, как нас догнал тот самый неблагодарный пленник. Поравнявшись с нами, он притормозил коня.

– Чего тебе надо? – опередила я его. – Освободили – так чеши отсюда.

Сволочь неблагодарная.

– Как тебя зовут? – спросил он, с интересом разглядывая меня.

Его взгляд при совершенно равнодушном лице показался мне наглым и вызывающим, будто он знает что-то, что не дано подобному мне отребью, и снисходительно прощает нас за нашу глупость.

– Как назвали, так и зовут. Гуляй своей дорогой.

– Я хочу звать имя бесовки, что отважилась среди бела дня шататься по Ясным землям.

– Ее зовут Синеглазка, – нахмурилась Хетара.

– Ты обманываешь меня, полукровка. Уверен, что у нее другое имя, – всадник прищипнул коня и преградил нам дорогу.

Да что этот лохматый сучок себе позволяет?!

– Отвечай на вопрос, когда с тобой говорит маг Ордена Золотых рун! – судя по голосу, мужчина не настроен был шутить.

Краем глаза я заметила, как сдулась и посинела Хетара, вытаращив на него свои и без того большие глаза, а вот меня подобная наглость лишь разозлила.

– Слушай ты, маг! Не указывай, что мне делать! Я тебя знать не знаю, и вообще...

Не успела я договорить, как невидимая рука сжала мое горло и оторвала от земли. Я зависла на уровне седла его лошади, бесполезно хватаясь за горло и болтыхая ногами в воздухе. Освобожденный нами пленник все это время шептал что-то, протянув ко мне руку, а глаза его светились золотым огнем.

– Прошу вас, господин, отпустите ее, – Хетара упала на колени у лошади всадника и протянула к нему руку. – Она нездешняя, и не знает, как себя вести! Простите ее!

Задыхаюсь! В глазах потемнело. Помогите!

Но внезапно невидимая рука отпустила меня, и я повалилась на дорогу. Воздух!

– Как твое имя, отвечай мне! – громко сказал незнакомец.

– Чтоб тебя... бесы разодрали! – прошептала я, пытаясь отдышаться.

Но тот спрыгнул с коня, и под неуверенные просьбы Хетары пощадить меня, быстрым шагом направился ко мне.

Честно говоря, на тот момент мне было абсолютно все равно, что он сделает. Меня переполняли злость и обида. Я освободила этого человека из клетки. Знала бы, что спасаю такую сволочь, прошла бы мимо. Но я сделала то, что сделала. А теперь он идет, чтобы убить меня. Радужно же меня встретили Ясные земли! Что б я еще раз помогла кому-то, если выживу!

Я поползла к кустам. Не знаю, как это должно было меня спасти, но все же лучше, чем смиренно ждать расправы. Маг схватил меня за руку. В следующий миг глаза его снова вспыхнули, мою руку пронзила острая боль, а затем вдруг, точно волной, его отшвырнуло от меня на несколько метров. Не знаю, кто из нас на тот момент испугался больше, я, Хетара или маг, если он вообще успел испугаться. Удивительно, но я себя чувствовала совершенно нормально, потому быстро встала на ноги, в то время как мой обидчик еще валялся под ближайшим деревом.

– Какого беса? – крехтя, приподнялся он.

Хотела бы и я знать ответ на этот вопрос. Но, не стоит больше испытывать судьбу. Надо делать ноги. Хлопнув по заднице лошадь, чтобы та ускакала подальше, я схватила за руку растерянную, синюю с ног до головы Хетару и потащила ее в чашу.

Мы бежали изо всех сил, перепрыгивая торчащие из земли, поросшие мхом, корни старых деревьев и защищаясь руками от больно хлеставших по лицу веток.

– Куда мы бежим? – задыхаясь, набегу прокричала Хетара.

– Подальше отсюда!

– Но нам нельзя туда! В Костлявом лесу можно ходить только по тропинкам!

– Да наплевать!

Вдруг мы обе оторвались от земли.

– Сейлин! – визгливо заорала Хетара, изо всех сил дрыгая ногами.

Я кое-как обернулась, хотя этого бы и не понадобилось. Колдун обошел нас.

– Кто же ты такая? – он с интересом осматривал меня.

– Я тебя от лиходеев спасла! И это твоя благодарность?! – выкрикнула я.

– Я уже говорил, что мое освобождение было вопросом времени, – между дел ответил он, обходя вокруг нас.

– И время пришло, раз именно мы спасли тебя!

– Может, так, – задумчиво протянул он, осматривая меня. – А, может, и нет.

– Отпусти нас! – изо всех сил дернулась я, хотя и понимала, что это бесполезно.

– Я хочу понять, кто ты, – колдун задумчиво почесал заросший трехдневной белой щетиной подбородок. – Некая сила оберегает тебя. Я не чувствую ее, но она есть, и вот это мне не понятно. Совершенно непонятно.

– Так это твоя проблема!

– Теперь и твоя тоже, бесовка. Пока не ответишь, какой магией обладаешь, не отпущу.

– Да не знаю я, чтоб тебя! Мне надоела уже вся эта чушь про магию и проклятья! – меня прямо подмывало бросать ему всю чертову правду в лицо. Терять все равно нечего. – Я, видите ли, разбужу Проклятого всадника! Доволен?!

Колдун взмахнул рукой, и мы с Хетарой повалились на траву. Хорошо еще, что падать было невысоко.

– Бред, – колдун пренебрежительно скривил тонкие губы. – Я бы почувствовал приближение Всадника, как любой Смотритель.

– Смотритель... – прошептала Хетара и затряслась, как листик на ветру.

– Мы тебе помогли, – с упреком сказала я. – Магам не положено быть благодарными?

– Убил бы тебя, синеглазая ведьма, да, выходит, не могу, – раздраженно ответил колдун. Хорошая благодарность, ничего не сказать.

Но если он не может убить меня своей магией, может, стоило бы попытаться методами простых смертных? Однако не стоит подавать ему эту идею. Я встала на ноги и потянула вверх все еще сидевшую в ужасе Хетару. Думала, маленькая разбойница смелее, но, похоже, она только хочет казаться взрослой и самостоятельной.

– По твоей милости, бесовка, мне теперь придется идти пешком. Думала, не догону вас без лошади?

– Если ты такой быстрый, что ж позволил трем лиходеям поймать себя?

– Ты много болтаешь, – раздраженно фыркнул маг.

– Значит так, маг Смотритель, мне проблемы не нужны. Я иду в Ардалию, и если у тебя есть хоть какое-то понятие о чести, ты не будешь мне мешать.

– Какое совпадение, – маг скрестил руки на груди. – Я направляюсь туда же.

– Прекрасно! Только давай пойдем разными дорогами.

– Дорога через лес всего одна, – да он издевается!

– Тогда дай нам фору. Мне тебя ждать некогда, я тороплюсь.

– Ты пойдешь со мной, – маг развернулся и, шелестя длинными черными одеждами по траве, пошел обратно к дороге.

Ага, пойду, конечно! Я усмехнулась. Разбежался! Как вдруг что-то сдернуло меня с места и потащило за ним, точно невидимой веревкой все тело обвязали. Я не чувствовала оков и привязи, а лишь бескомпромиссную мощную силу, которая влекла меня за колдуном, как ветер

увлекает с собой легкую пылинку. От переполнявшей меня досады я даже не смогла ничего ответить и лишь от злости сжала кулаки.

Все это время Хетара растерянно кружилась вокруг меня, но помочь ничем не могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.